

**Вариации на тему «Песни Песней» (эссе о
любви)
профессор Христос Яннарас**

1. Overture

А возлюбленный мой повернулся и ушел, Души во мне не стало, когда он говорил.

Мы узнаем любовь только на расстоянии неудачи. До неудачи не существует познания: познание приходит всегда после вкушения плода. В каждой любви вновь оживает опыт вкуса рая и потери рая. Мы изучаем любовь только будучи изгнанными из полноты жизни, которую он дарует.

В опыте любви мы все являемся прародителями. В отношении любви опыт других не учит нас ничему. Для каждого из нас он есть самый первый и самый большой урок жизни, самое первое и самое большое разочарование. Наибольший урок, потому что в любви мы изучаем путь жизни. И наибольшее разочарование, когда этот путь оказывается недостижимым для нашей человеческой природы.

Наша человеческая природа (эта неопределенная смесь наших души и тела) с глубочайшей пронизательностью, сверх понимания, «знает», что полнота жизни достигается только во взаимности отношения. Во взаимно всецелом самоприношении. Поэтому наша природа и облекает в любовь всю свою бездонную жажду жизни. Жажду, которую имеют наши тело и душа.

Мы жаждем жизни, и возможность жизни заключается только в связи с Другим. В личности Другого мы испрашиваем возможность жизни – взаимность в отношении. Другой становится «признаком» жизни, видимым ответом на наиболее глубокое и господствующее желание нашей природы. Возможно, что то, во что мы влюблены, не будет личностью Другого, однако наша жажда воплощена в его личности. Пусть Другой будет условностью, а наше самоприношение – самообманом. Однако и это станет ясным только с расстояния неудачи.

В результате неудачи узнаем, что любовь есть путь жизни, однако, путь недостижимый для нашей человеческой природы. Наша природа отчаянно жаждет связи, не умея существовать путем связи. Она не умеет разделяться, общаться. Умеет только захватывать жизнь, овладевать ею и использовать ее. Если вкус полноты есть общение жизни с Другим, то стремление природы отводит нас от общения к притязанию на собственность и обладание другим. Лишение рая никогда не было наказанием, но лишь самоизгнанием.

Путь жизни мы всегда изучаем как потерянный рай. Мы ощущаем его, когда лишены его, в оттиске его отсутствия. Высеченным следом, который

оставил путь жизни, является горечь одиночества в наших душах, лишенное любви одиночество. Вкус смерти. С этим вкусом проживаешь жизнь. Смерть должна завербовать тебя, чтобы ты прошел с нею путь жизни и понял, что такое полнота связи. Тогда начинаешь различать стороны понятия: жить – значит отречься от притязания на жизнь ради жизни Другого. Значит жить – меру того, как отдаешь себя, чтобы принять самоприношение Другого. Не существовать и потом дополнительно любить. Но существовать только потому, что любишь, и в меру того, как любишь.

Мы жаждем жизни и жаждем не своими мыслью или пониманием. Также и не своею волей. Мы жаждем ее своими телом и душой. Стремление к жизни, посеянное в нашей природе, орошает каждую малейшую складку нашего бытия. И это стремление к связи, к со-сущию неумолимо: оно требует, чтобы мы стали одним целым с пред-лежащей сущностью мира, одним целым с красотой земли, безграничностью моря, сладостью плодов, благоуханием цветов. Одним телом с Другим. Другой есть единственная возможность к тому, чтобы наша связь с миром имела взаимность. Он есть лицо мира. Логос каждой пред-лежащей сущности. Логос, который обращается ко мне и призывает меня к соборному со-сущию. Он обещает мне мир жизни, изумительное украшение всецелости. В одной лишь связи.

2. Modulatio

Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне; он пасет между лилиями.

При малейшем знаке взаимности возникает безмерность радости. Возникает вкус полноты жизни, который опьяняет как ничто другое. Тогда во взгляде, в улыбке Другого приносится целый мир. Апокалиптический взрыв преобразования жизни, и местом этого апокалипсиса (то есть откровения) становится Другой. Все удивительное и все новое. Взаимность в любви есть первое чувство прародителей в первый день творения.

В любимом взгляде ощущаю – в первый раз – что есть человеческий глаз. В нежности прочитываю незнакомый язык прикосновений. Каждый малейший жест, незаметнейшее движение тела, каждая едва различимая улыбка есть слово, с которым знакомишься в первый раз и которое имеет захватывающе большое значение. Все, к чему вместе прикасаемся, каждая красота, на которую мы вместе смотрим, все, что пробуем на вкус, в тот момент становится новым и нетленным. Уже не существуют объекты, все становится присутствием, приношением, направленным ко мне, предназначенным только для меня. Все приобретает ипостась и становится сущим, так как существует Другой. Самое незначительное и само собой разумеющееся становится неожиданным подарком.

Когда рождается любовь, рождается жизнь. Изумленные, мы ощущаем, как убожество существования преобразуется в неожиданное богатство жизни. Ежедневные минуты рутины изменяются в опыт праздника, потому что ежедневность облекается теперь во взаимность связи. Теперь нет ни времени с прошлым и будущим, ни пространства с близостью и отдаленностью. Время имеет только настоящее, а пространство – только непосредственное присутствие. Место безместное – это немасштабная близость Другого, и время безвременное – это исполненная протяженность взаимного самоприношения.

В первый знак взаимности, который нам дарует Другой, мы облекаем все наше природное стремление к жизни. Без обладания и меры. Живем только для Другого и благодаря Другому. Все даем, все ставим на кон. Всякую гарантию, всякую надежность. Наши долги и обязанности. Свое доброе имя, свои силу и репутацию. Свои планы и надежды. Будучи готовы на все, даже и на смерть, – ради возлюбленного.

3. Appoggiatura

Избили меня, изранили меня, сняли с меня покрывало: Все они держат по мечу, опытни в бою.

«Порча» приходит неожиданно. «Порча» приходит всегда, чтобы разрушить действие чуда. Она невидимо проскальзывает в жизнь, как змей в листве рая.

Одна какая-нибудь неосмотрительность Другого, одно какое-нибудь упущение, один неловкий поступок, одно неискреннее движение, один недостаточный ответ на мою жажду. И внезапно у меня открываются глаза на обратное откровение: Другой внезапно оказывается на расстоянии, подчиненный пространству и времени. Он далеко и не является тем, чем был. В отношении моего желания жизни он кажется незначительным, робким, скупым. И вместе с ним все внезапно уменьшается, опять становится объектом, подлежащим измерению и счету.

Если мы действительно полюбили – если нам действительно было даровано какое-то наименьшее самоотречение – то, возможно, в этом первом разрыве мы различим кое-что и из своих собственных недостатков. В новом удивлении, вызванном отдалением, мы с испугом обнаруживаем множество и наших собственных недочетов, ошибочных выражений желания, неискренности, недостаточных ответов на жажду Другого. И это кажется невероятным. И такой была моя любовь? Столько одиночества я оставил в душе Другого, которого безмерно люблю и желаю? Неужели непреодолимой стала стена, которую воздвигает между влюбленными путь естества, бронирование своего «Я»?

Однако обычно мы не видим в себе никаких недостатков. Любовь предает только Другой. В отношении того, что принес, он взял больше. Начинаю измерять, считать. И помыслы всегда меня оправдывают. Следовательно, я чувствую себя в праве противодействовать, жаловаться на судьбу, становиться наступающим, изменять свою преданную нежность на требование.

И если Другой начнет противодействовать своими вымериваниями и подсчетами, тогда разрыв станет неуправляемым и свирепым. При этом борьба происходит не за житейские выгоды, но за жизнь – все или ничего. Даже если Другой со скорбью молча отойдет в сторону, оставит беззащитными свои раны, я не смогу увидеть, не смогу почувствовать его душевной боли, продолжая видеть только свою. Он не имеет права быть обиженным – это право принадлежит только мне.

В самом начале разрыв любви ощущается с потерявшей веру агрессивностью. Начинается копание в прошлом, бережутся раны, в память беспощадно всаживается нож. Другой есть моя неудача жить, подтверждение моего одиночества, мой ад. Возможно, сражается и он сам, бьется, живет своим ледящим одиночеством. Одна малейшая нежность с моей стороны, одна ласка или нежное слово могло бы воскресить его. Однако в его лице я вижу только свою собственную пустоту, и единственно, что говорит мое сердце, – это жалоба: а кто меня любит, кто сможет измерить мою собственную нужду и скорбь?

Нет более мучительной скорби и горечи, чем у людей, которые верили, что были взаимно и всецело влюбленными. Их противоборство всегда проходит вне логики, однако в необузданном вымеривании оружием всегда является логика. Каждый держится своей квадратной логики, непоколебимой и недвижимой в своей уверенности.

К таким терзаниям закономерно приводится всякая любовь. Это не есть простое разочарование – логический конец очарованности, которая произвела в нас ложное чувство полноты связи. Это есть бессознательная горечь недостижимости жизни, потеря веры в осуществимость взаимного и целостного самоприношения, которое составляет жизнь. Мы любим подобно черепахам, неосознанно забронированные в прочный панцирь смертности, то есть своего «Я». Каждый сам по себе переживает чудо любви – Другой является лишь предлогом. До тех пор, пока наши несовпадающие желания не разобьются о несокрушимый панцирь.

4. Notes de passage

На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его, и не нашла.

Мы знаем, чего хотим от любви, но, похоже, что не знаем, что можем. Хотим: всегда неослабного очарования Другим, чтобы неизменные подарки от него всегда вызывали в нас желание любить. Хотим: чтобы он неограниченно любил нас, без ослабления, чтобы любил нас такими, какими мы есть. Чтобы любил также наши ошибки, наши неловкости и недостатки. Чтобы любил, а не просто терпел, даже броню нашего «Я».

Наша прямая логика, ее односторонность подрывает саму себя. Любовь Другого – это единственный способ, чтобы разрушилась броня моего «Я». Стены самозащиты падают сами, когда Другой принимает меня без противопоставления своей собственной брони. Когда я не натываюсь ни на его права, ни на его логику, ни на его ум, ни на его добродетели, ни на его нужды.

Требование любви несовместимо с вымериванием, с частичностью и отрывочностью. Оно направлено к жизни, то есть к полноте связи. Чтобы другой давал нам прежде, чем мы попросим – чтобы ни разу не поставил нас на место просящего, чтобы никогда не посрамил нас в нашей нужде или жажде жизни. Чтобы ему всегда быть безудержным, чтобы всегда делать первый шаг, чтобы никогда не быть уставшим, печальным, безразличным. Мы хотим всего этого, но этого хочет для себя каждый из нас. И требует этого во имя любви, пытается посадить другого на скамью подсудимых, атаковать его, обратить в бегство. Говоришь, что любишь меня? Где же тогда твоя любовь?

Наша человеческая природа играет с путем жизни в корыстолюбие. Поэтому обманчивостью любви мы и изучаем путь жизни. Не существует любви, которая не прошла бы фазу жертвенного самоотречения и всецелого самоприношения. Фазы жизни, когда применяется оружие естества, чтобы овладеть Другим, присвоить, заполучить его себе. С помощью этого оружия естество окапывает свои права, создает плацдарм для нападения, когда другой начнет открываться в своей собственной автономии, в требованиях своего собственного естества.

Любовь бывает или взаимно жертвенной, или раздором и разрывом – компромисса между ними быть не может. Терпение друг друга по привычке не служит сохранению любви, не служит этому также мазохизм терпеливого выжидания. Компромисс есть отсутствие надежды – и не

больше. Разрыв же, наоборот, питает надежду на следующее чудо, которое продолжится. Следующий Другой примет меня без обладания, полюбит меня без меры. Поэтому мне нужен разрыв, насильственный и неотступный. Чтобы мне восстановиться целостным в девственности выжидания. И когда появится следующий Другой, вновь начнется игра, которая приведет нас в ту же ловушку нашей неумолимой природы.

Часто бывает так, что не успеют разрешиться одни «узы», как начинается экспериментирование с другими. Искренне – не ради поверхностной игры сиюминутного удовлетворения. Делаю ставку на жизнь, поэтому не могу отказаться от связи. Хотя у меня и остается привкус недостижимости, но все равно предпринимаю следующую попытку – имея открытую и кровоточащую рану от предыдущего разрыва. Мне нужен этот разрыв, поэтому я и храню его с неослабной агрессивностью. Другой во что бы то ни стало должен быть виновным, что я начинаю новую попытку, он должен быть ответственным – ни в чем другом моя попытка не находит себе оправдания. Агрессивность, хранение разрыва дает мне дополнительно уверенность в том, что нужно быть готовым к опыту следующих «уз».

Новая любовь, и новая обманчивая радость. Все, как и прежде, преображается, будни опять похожи на праздник. Похожи, потому что где-то в закоулках уже прячется опыт недостижимости. Все опять становится праздником, но этот праздник уже не является полным, он приобретает напряженность выжидания. Насколько новый Другой выдержит быть «моим спутником и богом», сколько сможет продержаться праздник на натянутой нитке. И когда напряженность опять приводит к разрыву, когда и в этот раз любовь становится тяжбой между твоими и моими правами, когда ты опять становишься виной моей скорби, тогда еще один уход в новую любовную связь опять дает надежду, что теперь все может стать прочным и неизменным. Сизифов труд в желании жизни.

Сизифов труд, мучение от бесконечного чередования всегда новых завязываний любовных связей. Мы, люди, останавливаем свою жизнь на ложном чувстве, упрямо закрываем глаза перед реальностью. Не отваживаемся увидеть в любви ошибки эгоцентризма, обманчивого чувства.

Могут ли существовать два таких человека, которые сохранили бы дар любви, ежедневно смиренно стараясь уклоняться от неумолимого пути естества? Возможно ли, чтобы существовали два таких влюбленных человека, которые, живя опьянением праздника, каждую секунду берегли бы себя от хитрости естества? Существуют ли случаи, чтобы чудо

изумления от любви продолжалось, с ежедневным самопринуждением к самоотречению и самоприношению?

5. Intervallum

Крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность.

Данность любви и смерти. Обоюдоострый вызов действительного. Дилемма – поскольку смерть не является единственным неизбежным концом. Она есть также отречение от жизни, не обязательно связанное с биологическим выживанием. Если во вкусе любви мы ощущаем жизнь, то каждое несовместимое с любовью капсулирование в «Я» есть выбор смерти.

Противоположность любви и смерти не ограничивается понятиями. Не удостоверяется правилами позитивирующего рассудка. Она вызревает по мере того, как жизнь все дальше уходит от общения. Мы читаем жизнь по складам в каждодневной полноте любовной связи. И в каждой любовной неудаче лицом к лицу встречаемся со смертью.

Единственная устремленность бытия – желанная связь. Тогда мы говорим об «истинной» любви. Она является желанием жизни – не дополнением или поддержанием биологического существования. Не придатком к телесным удовольствиям или душевному удовлетворению в данной будничности. Но она есть изменение способа бытия, когда каждая складка бытия становится одной целой связью. Тогда мы говорим об «истинной любви».

Но, однако, и те, кто удостоился «истинной» любви, в конце концов, умирают, как и те, кто никогда не любил. Любовь увековечивает нашу природу – не наше личностное бытие. Она является главным опьянением в жизни и плодоносит увековечиванием только природы, только изменением эфемерных, тленных индивидуумов. Личности влюбленных вкушают от жизни, оставаясь в рамках времени, подлежа тлению, подчиняясь смерти.

Природа играет с нами мечеными картами. Однако наше бытие по-прежнему желает оставаться в первородной бесхитростности. Оно упорно продолжает облекать в любовь желание жизни, жизни непрекращающейся, неограниченной. Желание, чтобы наша личностная уникальность пребывала нерушимой, свободной от всякого вымеривания или ограничивания. И каждый истинный любовный опыт удостоверяет путь нерушимого бытия. Любовь удостоверяет бессмертие – неужели после этого она есть всего лишь обманчивое чувство?

Наше тело – биологическая энергия динамической связи, природная уникальность в действенном общении. И наша личностная инаковость –

динамическая энергия уникальности слов, отношения, участия, взаимности. Что является более действительным: биологическое или логосно действующее? И где границы их различия? Чем отличается инаковость ДНК от уникальности поэтического слова или музыкального выражения? Где можно локализовать субъект бытия, сокровенное самосознание или «душу»: в переходящей биологической или неограниченной логосной энергии связи?

В любви физическая и логосная энергия связи всегда сходятся вместе и восполняются друг другом. Поэтому любовь удостоверяет инаковость, открывает субъект. Она есть главное напряжение бытия, нить Ариадны, выводящая из лабиринта смертности. Когда в любви проявляется и удостоверяется наше самосознание или «душа», тогда оно существует только как связь. Если когда-нибудь падет последнее сопротивление полноте связи – телесное и душевное сопротивление индивидуалистической автономии – будет ли это началом всецелой любви? Может ли биологическая смерть быть путем вхождения в непосредственную связь с жизнью?

Составляем описание жизни, как незнакомой земли, следуя направлению желания. И живем только непосредственностью смерти. Притязание, ненасытность, необходимость – противостояние индивидуализма живому общению. Инстинкт самосохранения, стремление к узурпации, жажда самоутверждения. Они отчуждают от связи, устанавливают предел сосуществованию, поворачивают общение вспять. Делают подкоп под свободой, которую дает жизнь. Противоборствуют любви.

Определения загадочно гримасничают. Жизнь не есть биологическое выживание, а биологический конец не есть смерть. Опыт любви смешивает понятия. Если в любви проявляется и удостоверяется наше сокровенное самосознание или «душа», тогда оно существует только как связь. И тогда индивидуалистическая автономия, пребывающий вне связи индивидуум есть смерть. Тогда любовь противоборствуется смертью, и смерть любовью. Непримируемо.

Противоборство любви и смерти. Не всегда осознанное – если не всегда неосознанное. Неосознанное стремление к обладанию, узурпации, не-пользованию Другого. Другой должен быть предметом моей собственной индивидуалистической потребности в наслаждении, страховке и самоутверждении: в таком случае смерть победила любовь. Я пребываю заблокированным в эгоцентрической замкнутости, в лишенном связи и цели выживании. Жизнь – изумление от вневременности и

безмерности связи – уклоняется от меня.

Полноту жизни, достигаемую в любви, «признак» присутствия полноты мы называем красотой. Осязаемое начало стремления к красоте является «признаком» полноты, впрочем, никогда с ней не отождествляясь. Называется красотой оттого, что ее всегда призывают. Призывом – обращением к связи и со-сущию, которые обещает «избыток» жизни – красота призывается к желанному жизненному общению, к преодолению смерти.

Красота возлюбленного, возлюбленная красота, призыв жизни, самый главный призыв. И сзади за призывом стоит природа – насмешливая гримаса смерти. Жаждем красоты с неутолимой жаждой природы, инстинкта, напора. Природа руководствуется необходимостью подчинить жизнь своему собственному порядку.

«Субъект» естества и ее бытийная реальность, наш индивидуум. Эфемерный носитель устремленности к увековечению себя. Любовь подчиняется этой безудержной устремленности, оказывается фрагментальной жаждой индивидуального наслаждения, психологическим дополнением к индивидуалистическому довольству. Оставаясь при этом всегда призывом жизни. Попавшим в ловушку смерти.

Фрейдовское соединение любви и смерти не является ни произвольной выдумкой, ни поэтической метафорой. На уровне естества смерть захватывает в ловушку. При этом любовь не перестает противоборствовать смерти.

Фрейдовская связь помогла нам увидеть в любви призыв жизни, а не просто стремление к удовольствию. Первый опыт любви – связь ребенка с телом матери. Связь через прикосновение к материнскому телу, первое для младенца ощущение реального объекта. Связь изначально жизненная, поскольку связывается в ощущении ребенка с источником пищи – возможностью жить.

Прикосновение и лишение материнского тела: диалектика жизни и гибели, всего и ничего. Когда ребенок принимает пищу из тела матери, он имеет вес, имеет непосредственность связи, которая есть жизнь. И наоборот, плач и голода является воплем отчаяния, которое издает бытие, чувствуя, что теряется. Теряет прикосновение к жизни, вопиет от вкуса лишения связи, вкуса ничто. Связь с матерью является любовной, потому что является жизненной. Принятие пищи, возможность жизни, полнота силы связи. К этой силе, в конце концов, направлена всякая любовь.

Жизненная связь с пред-лежащим миром. Прикосновение к телу,

которое составляет жизнь и отвергает смерть, дарует все, и предотвращает ничто. Оно является силой жизни и не ограничивается только удовольствием от пищи – любовный опыт младенца не заканчивается этим. Если бы телесное удовольствие не сопровождалось любовной полнотой материнского присутствия (в слове, ласке, любом жесте нежности, заботы), связь тогда гарантировала бы выживание – не жизнь. Ребенок бы тогда никогда не вошел в мир людей, в мир языка и символов, субъектной самотождественности и имен.

Отправная точка желания, пища, первоначальный «признак» жажды жизни – до и от красоты. То, что называется «признаком», является радикально первичным проявлением логоса, зовом – призывом, который направлен желанием. Жизненная связь с предлежащим миром, принятие пищи есть логосная связь. Она является логосной потому, что пища «значит» нечто большее, чем нужда в насыщении. Она «говорит» о пути осязания, смешения, со-сущия. «Признак показывается там, где находится Другой». Он показывается не из-за того, что этого требует нужда взаимобщения. Изначально слово не является средством или инструментом утилитарного общения. Утилитарное общение имеют и животные, однако у них нет слова. Отправной точкой и происхождением слова, прежде всего, является присутствие Другого. Присутствие – возможность ответа на любовное влечение.

Появление знака преобразует желание в требование. Знак «свидетельствует» о желании, заявляя о возможности ответа на желание. Присутствие Другого означает нечто большее, чем нужда в пребывании вместе, большее, чем биологическая потребность воспроизведения. Знак показывается там, где находится Другой, чтобы обозначить отправное желание жизни, которое имеет слово. «Жизни бессмертной, нескончаемой, жизни, у которой нет нужды ни в каком телесном органе, жизни естественной и неразрушимой».

Путь к жизни проходит через Другого. Присутствие Другого – возможность связи, то есть жизни – есть «место», в котором показывается первый знак, слово желания. Слово, которое образует субъект – носитель желания. Появление знака, предпосылка и отправная точка связи «рождает» субъект. «Субъект рождается постольку, поскольку на поле Другого появляется знак» – возможность ответа на желание. Факт связи «рождает» субъект, придавая предрасположенности способа его существования к связи конкретный характер. И слово становится способом осуществления связи.

Изучение того, как рождается слово. В результате исключаются

всякие возможности отождествлять субъект с чувственным индивидуумом, телом, индивидуальным интеллектом, эмоциональной одаренностью. Прежде мысли, оценки, воображения существует желание, которое преобразует субъект в логосное бытие. То, что мы называем субъектом, является любовным фактом, и так является любовным фактом, то является и логосным бытием.

Движение любви по направлению к жизни осуществляется с помощью слова, и это осуществление составляет субъект.

Первый знак из того места, где находится Другой – обещание пищи. Пища – прикосновение к материнскому телу, любовная полнота жизненного присутствия. Однако, значащая пища и обозначаемое присутствие не даны ребенку постоянно и непрерывно. Присутствие изменяется в отсутствие, находка в потерю. Жажда жизни с самого первого момента становится утком в этой трагической диалектике. Чувственная непосредственность связи и пребывающее вне связи одиночество, вкус жизни и смерти.

Жажда жизни и вкус смерти, – однако, и продвижение по направлению к жизни, переплетенное с напористым устремлением по направлению к смерти. В одном и том же утке желанья. У ребенка существует инстинктивная потребность сделать присутствие матери постоянным, превратить связь в обладание. Постоянно и непрерывно иметь свой собственный источник пищи, возможность жизни. Обладать матерью, и способ, которым он пытается овладеть ею, состоит в том, чтобы с невероятной жадностью поглощать материнское молоко. Это потребность заменить риск связи уверенностью обладания – жизненное возношение мнимой независимостью. Первые шаги по лезвию жизни – и напор смерти противоборствует потоку жизни.

Бесконечно малое материнского присутствия противостоит смертельному упрочению эгоцентризма, превращает напористость в благое взыскание, безличностный объект пищи в субъект жизненного возношения. Мать дает не только поддержку для функционирования нашего организма, но также помещает нас в поток Жизни, сосредотачивает нас в любви. Плотской напор любви, направленный к выживанию и увековечиванию себя, материнским присутствием переориентируется к личностному осуществлению жизни. В последующей жизни каждое любовное взыскание повторяет то же самое сплетение личностной связи и потребности естества, диалектику жизни и смерти. Вождение жизни обозначивается всегда там, где находится Другой, на пути прикосновения, смешения, со-сущия. Этот путь проходит над

жизненной потребностью в пище и обобщается в «половой» связи. Всецелой связи, полной непосредственности, смешению душ и тел, поэзии жизни. Обоюдоострой совокупности необходимости и связи, корысти и само-приношения.

В каждом любовном призыве оживает жизненное вожделение пищедательного присутствия, вожделение жизни, которое обуславливает нашу собственную субъектность. Мы влюбляемся всегда так, как голодали бы младенцы. Попавшиеся в ловушку утка, бегающего между определенными потребностями и безграничной жаждой связи. Прежде всякой мысли, оценки, представления, соизволения, чувства. Все эти энергии или функции уже впоследствии соотносятся с «любовной силой» нашей природы. Силой жизненной и животворящей: обуславливающей субъект и творящей новые субъектные существования.

Любовная связь природы является единственной и единой, нерасчлененно живой и животворящей. Вот почему гомосексуализм отчленяется от любви кесаревым сечением извращения: функционально он отлучен от двусторонности жизненного и животворящего. Он имитирует жизненную возносительность любви путем использования не по назначению природной животворящей силы. Подобно приему пищи без действия пищеварения. Направление жизненного потока по ложному руслу, насилие над естественным и реальным со стороны пустого и ложного ощущения. Обоюдоострый путь существования и жизни, увековечивания природы и личностного бессмертия, превращенный в противную жизни и существованию страсть, попавшийся в ловушку извращенного мечтания. Безусловно, мы должны иметь великое сострадание к этому трагическому увечью. Однако никакая любовь или терпимость не подменяют реальное извращенным и мнимым.

Любовь есть направляющая сила жизни. Это означает хождение по лезвию смерти. Вероятность того, что каждую секунду может произойти отпадение от связи в утилитаризм, соскальзывание к потребности моего «Я» мысленно «пожрать» Другого. Поэтому перенесенная уже на уровень сознания любовная эквилибристика между жизнью и смертью заставляет компенсировать инстинктивные желания упражнениями воли. Признак упражнения опять прослеживается в первоначальном материнском присутствии. В примере отречения от своего «Я», который воскрешает ребенка к жизни, в которой есть место связи: в мир языка и символов, субъектной самотождественности и имен.

Сила любви есть природная возможность, напор, поток, челнок жизни. Она воплощается в личностное событие возлюбленной инаковости

только как причина свободы от необходимости. Сознательная аскеза любви, отказ от претензий, подвиг освобождения от определенной необходимости ради неограниченной связи. Расширение наслаждения, преодолевая рамки природы, до непрерывного личностного общения.

В связи ребенка и матери постепенно также вырисовывается роль отца. Она имеет решающее значение в дифференциации и осознании ребенком своей субъектности, предотвращает его мечтательное отождествление с материнским телом – расширяет и раскрывает жизненную связь до общественного явления. Личности отца и матери отображаются в душе ребенка как образцы психосоматического различия, которое делает возможными жизненную связь, восполнимость, поэтическую способность жить. Отец и мать, «архетипы» различия в жизненной связи, нестираемые знаки нашей личной согласованности в динамике различения друзей.

Эта откровенная согласованность на протяжении всей жизни направляет наши любовные поиски. Тогда восстанавливается та же самая картина связи, которую мы, будучи младенцами, отождествляли с внезапным возникновением нашей собственной инаковости, возможностью общения, то есть жизни, отказа от смерти.

Признак присутствия – образ. Образ матери, образ отца, архетипные примеры красоты, жизненного призыва к полноте связи, полноте любви. Возможно, что субъектное чувство красоты устанавливается на всю жизнь от чувственного опыта присутствия отца и матери еще до образования этой картины. Поэтому и критерии эстетической оценки в любви – влечение, которое вызывается красотой, побуждение двигаются к смещению – не могут существовать автономно и иметь установившиеся принципы и объективные оценочные мерки. Любовная восприимчивость, или критерии красоты остаются обусловленными первыми знаками Присутствия, которые задавали нашу субъектную инаковость, являли человеческое бытие монадичным, с концом или целью в жизни как продолжительности.

6. Divertimentio

Ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

Если любовь является путем жизни, тогда брак есть путь естества. Природа означает: закон, необходимость. И путь закона – институт брака. Закон конституирует природную необходимость, бронирует индивидуальные требования. Брак приходит к нам твердой походкой закона еще с глубин праистории: как «естественное установление», как детальная договоренность о правах и обязанностях. Он закрепляет два договаривающихся «Я», дает им гарантии. Предлагает за счет правильного распределения чувство крыши над головой, уверенность в том, что Другой будет спутником, общую пищу, взаимное наслаждение, фиктивное увековечение «Я» в лице детей.

Юридический институт, который предопределяет отношения, динамическая неустановленность жизни – брак и любовь суть две противоборствующие данности. Институт не может предусмотреть инаковость, жизненные перипетии или вкус качества. Он определяет и закрепляет общее, безличностное, предметное. Захватывая жизнь в жесткие предопределения, ограничивает ее подконтрольными и утилитарными формами.

Любовь есть изумление от жизни, брак же – узаконивание необходимости. Необходимость – путь естества. Четко очерченный, ясно сформулированный, подобно закону, всезнающий и безошибочный. Поэтому-то в браке неожиданность не находит себе оправдания. Если мы ждем еще чего-нибудь, что брак предлагает спорадически, то это наша собственная ошибка. Легкомысленность, суженое зрение.

Путь естества – закон; путь закона – институт брака. Брак узаконивает требования естества. Требования обладать другим, иметь его в своей собственности. Определенное договором взаимное обладание друг другом. Даешь, чтобы брать, приносишь, чтобы получать. То, что спорадически предлагает брак, не является предпосылкой любви – если вообще не исключает ее. Опасность связи, которую нельзя ограничить, динамика изумления не уживаются с логикой закона.

Совершенно случайно мы, люди, кодифицировали брачную связь в терминах Права. Обычного и государственного. Если права и обязанности не уравниваются, прибегаем к помощи суда. Ищем защиты своих прав у государственной власти. Даже телесная связь может быть вытребована у

спутника через решение суда – как «супружеский долг». Закон закрепляет физические требования.

Любовь не бывает застрахована браком, институт брака не дает гарантий того, что человек будет подниматься *по* лестнице жизни. Из практики известно, что бесчисленное количество браков заключается не по любви, и люди считали и считают это само собой разумеющимся. Опять таки, тот, кто заключает брак, имея дар любви, заблуждается, если верит, что юридический акт гарантирует их любви постоянство и вечность. Исключено, чтобы путь жизни был застрахован через путь естества.

Различие пути жизни и пути естества приобрело очевидность в христианском опыте. Поэтому разница между любовью и браком находит себе в христианской Традиции, возможно, отчетливейшее разъяснение. Пример пути жизни: «истощание», самоприношение во имя любви – воплощен в лице Христа. Человеку, чтобы следовать этому примеру, нужно разрушить узы своей зависимости от пути естества: узы родства, узы застрахованности, которыми связывают юридические рамки брака.

Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а при том и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником (Лк. 14, 26). Не может быть компромисса с самобронирующимся естеством, психологическим самоутверждением индивидуума в юридических рамках брачных уз. Возможно, что это самое жесткое, что было когда-либо сказано о браке.

В посланиях Павла проясняется смысл этой «ненависти», неизбежного разрыва уз родства, – это свобода от естества ради во имя связи, свобода от необходимости во имя любви. Прежде всего той любви, которая направлена к Личности Бога. Однако свобода от уз естества не означает отказа или отречения от него. Но лишь отказ от пути естества, пути присвоения и обладания: *...так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся (1Кор.7:29–31).*

В той же главе Павел допускает брак как *позволение*¹, а не как *повеление* (7:6). «Извинение» означает уступку пути естества, пути смерти ради научения человека. Какой смысл может иметь урок, при котором приходится идти на компромисс со смертью? Павел знает, что связи в браке неизбежно приобретают характер властвования одного супруга над другим: становятся связями сбалансированного обладания, взаимного присвоения: *Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не*

властен над своим телом, но жена (7, 4). Поэтому педагогически предпочтительнее (плодотворнее в смысле достижения свободы от пути естества), чтобы человек был связан юридически установленным балансом этого взаимного обладания, чем обладать, не будучи обладаемым, – как это происходит в блуде. Институт брака находит себе оправдание в сравнении с беззаконием блуда.

В противоположность христианству предшествующие религиозные традиции не знали тождества пути жизни с любовным самоотречением. В них путь жизни отождествлялся с природными половыми функциями. Единственный способ воссоздания жизни, какой знал человек, состоял в половой связи. Поэтому само становление или образование бытия (космогония) происходило благодаря половым связям богов. Таким образом половое влечение возводилось в ранг священного. Блуд приобретал характер священнодействия, публичные женщины были главными участницами обрядов, в которых совершалось подражание первоначальному совокуплению. Однако возведение половой связи в ранг священного одновременно сопровождалось страхом того, что узурпируется творческая сила богов. Половая способность человека была «оскорблением», вызовом божественности. Цикл половых действий одновременно возводился в ранг священного и брезговался как «святоотатство». Окружался недоверием, осторожностью или боязнью «демонического», «нечистого».

Элементы этого первичного брезгования половым циклом до сих пор сохраняются в общественном сознании. Они являются остатками в основном еврейских влияний на христианские обычаи. Еврейский народ от древнейших религий соседних племен унаследовал предубеждения против «грязности» половых функций и о необходимости очищения: сорок дней по рождении ребенка мать считается нечистой, и ей запрещается входить в храм (Лев.12:1–8). То же самое действительно как для женщины в период менструации (Лев.15:19–30), так и для мужчины, у которого произошло непроизвольное ночное семяизвержение (15:1–17). Половой акт делает человека нечистым (Лев.15:18; Исх.19:15; 1Цар.21:5; 2Цар.11:11) – священнику в этом случае запрещается совершать обряды культа.

Практика христианской Традиции не переняла таких концепций. Церковь предлагает радикально отличную от них концепцию и объяснение полового влечения: это есть «сила любви», посеянная не только в воле, но и во всем естестве, в теле и душе человека. Однако вместе с тем эта сила выражает прежде всего стремление к бытийной автономии естества, его самоувековечивания. Вот почему христианская практика выражает с

помощью традиционной символики «чистого» и «нечистого» свою собственную осторожность и недоверие по отношению к половым функциям. Нечистой является не природа, но ее обман, чтобы играть в игру смерти *путем* жизни.

Символика «чистого» и «нечистого»: многозначный архетип различия между свободой и необходимостью. Между свободой *личности* и законами естества, естественной необходимостью индивидуальной смерти. Только любовь благовествует личностное бессмертие: экстаз, то есть выход вне, за пределы бытийных возможностей природы; черпание бытия из общения любви.

7. Promenade parmi les tons voisins

Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа; но единственная – она, голубица моя, чистая моя.

Путь жизни и путь естества, любовь и смерть. Не получается понять разницу между ними с помощью искусства ума. Также религиозные проповеди не являются достаточными. Источником и средством различения является только опыт.

Изначальное безгование половыми функциями – значит ли оно неосознанное участие в опыте смерти? Во всяком случае, придание биологическим функциям характера «порочности» или «нечистоты» не оценивает и не градуирует эту разницу так, как понятия духовного и плотского, логического и инстинктивного, законного брака и беззаконного удовольствия.

Во всяком случае в еврейской традиции ничего не препятствует мужчине иметь две или больше жены (Втор.21:15; 1Цар.1:2) или взять себе наложниц и рабынь (Быт.16:2; 30:3; Исх.21:7; Суд.19:1; Втор.21:10). За исключением священного блуда (который означает отпадение от истинной религиозности) блуд в целом не осуждается (Быт.38:15–23; Суд.16:1). Только последующие «софиологические» тексты предупреждают об опасности связи с блудницами (Притч.23:27; Сир.9:3; 19:2). То, что запрещается недвусмысленно, – это прелюбодеяние². Наказывается смертью как взятая в прелюбодеянии, так и тот, кто склонял ее к этому (Втор.22:22; Лев.20:10). Однако смысл запрещения состоит в охране прав супруга, поскольку не наложено никаких запретов на мужчину в его связях с незамужними женщинами и блудницами.

Естественная необходимость и личностная свобода, подчинение тленности и динамика бессмертия – дилеммы, которые не нашли себе места в еврейской традиции. Отстояние любви от смерти, пути жизни от пути естества иногда может проявлять себя, однако остается неосознанным. Еврейский Закон определил условия участия в «народе Божиим», в познании Бога из исторической связи. Это законодательство одновременно обуздывало «жестокосердие» непослушного народа (Мф.19:8; Мк.10:5). Закон не мог предоставить человеку возможности онтологического изменения, участия в жизни в ее онтологическом смысле.

Чтобы бытие переступило через порог смерти и ветхого существования и ступило туда, где жизнь, потенциал естества недостаточно. Сколько бы мы не тренировали свою волю в области

морали, сколько бы наши добродетели не были высокими, естество не может преодолеть тления. На лестнице нравственного «восхождения» мы испытываем обманчивое чувство преодоления своего естества. Однако на каждой ступеньке, начиная с самого низа, зияют пустоты смерти.

Любовь: да, она преобразует бытие в связь, представляет из себя другое ощущение жизни. Поэты, композиторы и художники, уже на протяжении многих лет и веков лежащие в земле – сухие и голые кости – и однако слово их продолжает жить. Продолжает жить в личностной непосредственности связи. Насколько доверяешься связи, настолько внутри тебя расцветает личностная инаковость их слова, их «души». Насколько доверяешься любви, настолько озаряется ностальгическая надежда на бессмертие и твоей собственной «души».

Христианская «вера» освещает ностальгическую надежду на ступенях любовного чаяния. Любовь: да, она преобразует бытие в жизнь бесконечную, потому что Бог существует как полнота троичного любовного со-сущия. «Любы есть». Христос Иисус принял смертную замкнутость человека и претворил смерть в послушание связи с Отцом, в факт общения жизни бессмертной. Тленность осталась болезнью естества, бессмертие – возможностью, даруемой в связи. Сокровенное «Я» или наша «душа», наша истинная личность оказывается свободной от смерти, когда в Другом мы признаем личностный призыв, благодаря которому мы становимся субъектами: Личность Любящего Отца.

Слово Бог определяет некую личностную связь – не предметное понятие. Как любовь возлюбленного во всякой любви. Оно не означает различия или отстояния. Услышание возлюбленного имени есть немедленное чувство и внепространственное ручательство присутствия. Вся наша жизнь, претворенная в связь. Мы познаем Бога, пребывая в связи – не через усвоение понятия.

Связь обуславливает саму субъектность нашего бытия. Мы участвуем в бытии с сознанием и смыслом, с субъектным самосознанием и самоинициацией, так как любовная устремленность нашего естества претворяется в личностную связь, когда в Другом показывается первый знак желанья: материнское присутствие. Субъект рождается в первом любовном движении.

Должно вам родиться свыше (Ин.3:7) может значить следующее: субъект рождается в подлинном смысле тогда, когда любовная устремленность преодолевает инерцию индивидуалистической самодостаточности. Когда в области желаний господствует Имя причинного начала личностной связи: Имя Единородного Слова.

В христианской традиции слово апокалипсис означает явление Имени. Любящий нас является Личностью и имеет Имя: Христос Иисус, Жених сокровенного «Я» или наших душ. Призыв любви, исходящий от Него, – необходимое условие «рождения свыше» для нашей личности – имеет историческую плоть, плоть осязаемого события.

Путь жизни и путь естества, любовь и смерть. О пути мы судим по тому, где находятся наши желания. Там рождается субъект, бессмертный или тленный. Со странной на первый взгляд динамикой «пшеничного зерна», которое должно умереть, чтобы воскреснуть. Зерно человеческой обособленности должно «истощиться» от всякого требования автономного существования, должно черпать бытие и жизнь не из желания быть независимым, но из любовного самоприношения. Чтобы человек стал бытием «кенотически» любящим, как и Бог, Который есть кенотическое «взаимосаможертвование» троицы Личностей.

Путь жизни, путь пребывания Бога в области желаемого, путь кенотической любви.

8. Scherzo

Я буду в глазах его, как достигшая полноты.

ЗЕМЛЯ ЛЮДЕЙ картина для взгляда желания. Снежный пейзаж, поезд скользит по ночной долине, шелест в тишине. Пробегающие картины, разбросанные поселки, отблески от каждого светящегося окна. За каждым отблеском крыша, мираж счастья: горячий суп, нежный поцелуй на сон, соседи, друзья и верный пес, бодрствующий на пороге.

Земля людей, не известная для взгляда желания. Возможно, что в убегающем отблеске бодрствует разрыв. Немой или открытый, как разодранная рана. Горячий суп? – да, рутинная и мучительная обязанность. Собираются грязные тарелки, которые нужно мыть – ежедневная обременительная забота. Пес, которому забыли дать поесть – «всего не успеешь». Невыносимая усталость без единого слова утешения, ласки или нежного взгляда за целый день. Так что и в кровати нежность остается неразделенной – ситуация почти комичная. Нужно упрашивать – и это смиряет. Для множества родов любовь была ради уступки, как один миг телесного наслаждения и ничего другого. Заканчивают, поворачиваются друг к другу спинами и засыпают. Похороненная жизнь, каждый день – слепой круг вращения жернова.

Земля людей, недоступная лиризму путешественника. Пейзажи, наполненные вожделениями; и поглощают ады, состоящие в том, чтобы идти вместе, не будучи друзьями, в обоюдном одиночестве. Несовпадающие чувства, разногласные желания, неуступчивые предпочтения. Они могут быть одеты в ложное чувство героической снисходительности, благочестивого терпения, смиренного переживания. И обнажаются в своей разодранности во вспышке гнева. Кто действительно разгадает, что значит свечение окон в ночи – сияние ли это счастья или взрыв ненависти? Ненависть преобладает. Она не считается с разбитым от усталости телом, с тем, что на дворе ночь, но стремится разодрать души, чтобы они истекли кровью. Твое и мое право не совпадают, себялюбие становится настоящей паранойей. Каждое слово имеет свою собственную логику и не способно стать диалогом. Логикой детских травм, преданной юности, неудавшихся отношений с матерью или отцом. Неизвестно, с кем мы воюем в лице другого, однако во всяком случае не с ним самим. Кто-то другой кроме нас должен заживить наше обездоленное «я», ответственное за наши неудачи, наши неудовлетворенные желания. Единение в единой плоти значит, что другой есть наша плоть, не переставая быть другим.

Плоть наших отвергнутых желаний, жажды признания, автономности, безопасности. Поэтому мы и стремимся разодрать эту нашу «другую» плоть с животной манией.

Земля людей, вся земля – могила. Могила мечты, чаяний, надежд. Мать земля; мать природа; природа, звереющая в панике выживания, в своем противостоянии ради того, чтобы не умереть. Облицовывает в мечты спондилезы «эго», которое агонизирует, безрезультатно пытаюсь предотвратить смерть. В каждодневной внешней жизни наше естество выглядит благолепно, чтобы приобрести признание, опору, благополучие. В святая же святых совместного жития ширмы убираются, и самолюбие обнажает вызывающую паранойю.

Земля людей – панорама страданий. Всегда убегающие картины, кратковременные эпизоды путешествия. Поезд безостановочно скользит мимо темных балконов, грязных задворков многоэтажек, стоящих на жалко выглядящих окраинах больших и сияющих городов. Мансарды с резкими запахами, силуэты изможденных женщин за дешевыми занавесками. На них отображаются полные и обвислые тела, искривленные конечности, плохо выкрашенные волосы. С черпаком или тряпкой в руке; транзистор урчит что-то народное; ждут вечера. Когда мужья вернутся с работы или с карточной игры, они накроют на стол, струсят скуку дня в небольшой скандал. Затем и скандал незаметно затухнет перед экраном телевизора. После этого они растянутся на кровати для того, чтобы дать немного насладиться увядшему телу – дополнить ужин и выпивку. Здесь соединено все вместе: и мука и наслаждение в одной и той же горечи безнадежного существования.

Земля людей – многообразная драма. Двудликий путь: богатство и лишения – прибрежные виды одного и того же потока смерти. На противоположном берегу вид безукоризненных кварталов, ослепительных домов, светлых вилл. Теперь фон отображает изысканную пару, с утонченными манерами, так что можно писать картину; ужинают за столом. Хрусталь, фарфор и серебро отражают взаимную благородную улыбку; вино, выбранное в богатом магазине, сопровождает мягкость беседы. У обоих «воспитание», обилие ежедневных впечатлений. Однако взгляд – неуловимый коридор пустоты, мерцание холодного расчета. Это второй или третий брак, который заканчивается приличным и мирным разводом, распределением имущества, совершающимся без тяжб. Изящная видимость прикрывает тайны спрятанных чувств и намерений. Всегда само собой разумеющиеся тень неверия в отношения и жизненно важное и необходимое условие балансирования. В своем внешнем поведении ходят

по канату, и чувство отсутствия безопасности глубоко разъедает души. На каждый случай своя маска: для выходов, для кровати, для дружеских беседований. Когти, скрытые под перчатками, острые зубы за улыбкой.

Мудрый и блаженный Будда, мистическая полнота «всеобщей гармонизации», Дао и Дзен, логическое взаимовосполнение противоположностей, Кришна и Упанишады: замечательное противоядие в агонии смерти, когда смерть только ожидают. В ежедневной смерти и аду, которым является Другой, в терзании совместного шествия без приязни всякое малейшее мистическое облегчение становится маской ухода. А за маской хохочет бессмысленная пустота: смерть-победительница.

Повешенное на кресте, мертвое Слово жизни дает откровение. Жизнь, пригибающаяся к добровольному принятию смерти. И откровенное Откровение скрывается в этой «добровольности». Крест и смерть, само сращение личности и природы, свободы и необходимости. Любовное доверие к Отцу – единственная трещина в стене данности. Если упорно продолжаешь расширять эту трещину, в настойчивости рассветает откровение: крест, брак Христа с нашей природой – природой, приведенной от свободы любви к брачному чертогу последней самоотреченности.

9. Stretto

Весь он – любезность: вот кто возлюбленный мой.

ВСЕ НАШЕ БЫТИЕ во всей его напряженности жизненных устремлений является желанием. И как натянутая струна, так и желание производит разнообразные тона от хрипа слепой нужды до высоты жертвенного самоприношения.

Мы не укоряем голодающего в слепой необходимости еды. И тем не менее, в животном голоде алчущего не звучит ничего из райского благословения на общение полов. Наоборот, со страхом и отвращением мы всегда отталкиваем маниакальную жажду тела к любви. Где та граница и мера, где желание становится угрожающим и оскорбительным?

Мы отличаем любовь от жажды тела. Любовное изумление всегда есть трепет души, и опьянение взаимностью приносит неожиданное очищение от всякого телесного требования. Маниакальные звери удовольствий внезапно усмиряются с первым кивком любви. И все же, любовная связь созревает только в постоянной кафолизации желания. Смысл всякой любви состоит во всецелом участии души и тела в непосредственной связи, единстве двух в плоти единой.

Первое волнение от случайной встречи взгляда, опьянение от первого прикосновения рук, полнота радости от одного лицезрения Другого, все постепенно и незаметно ведет к необходимости телесного наслаждения. Между этим исполнением и начальной точкой, когда красота подает первый знак, содержится бесконечный спектр желания. Невозможно отделить действие души от функционирования тела, событие духа от требования плоти, экзистенциальную необходимость от биологической потребности.

Запутанная взаимоперекрещенность душевного и телесного в спектре желания. Она приводит к тому, что человек начинает думать, что духовный трепет в любви является ничем другим, как ухищрениями телесной потребности. Что господствующим побуждением любви является инстинктивное желание наслаждения, биологическая нужда со-сущия. Уже с первого момента пробуждения в психическую эйфорию благодатной взаимности. Даже любовь к искусству, науке или Богу есть всего лишь бессознательная идеализация слепой биологической потребности.

С другой стороны, общий опыт подкапывает убежденность в единственности истолкования. Первенство телесной нужды не является

самоочевидным. Может, наоборот: множество случаев холодности, неудовлетворенности или связи без любви обязаны своим существованием исключительно психическому сдерживанию, психологическим комплексам, смещению сознания. Часто биологическая потребность или кажется подчиненной психике, или многообразно переделывается психическими механизмами отказа, идеализации, эгоцентричной защиты. Настолько, что скорее всего невозможно установить, в каких рамках существует любовный факт. Сказать, вот до сих пор функции психики, а отсюда и дальше биологическая нужда и инстинктивная потребность.

Если действительное противостоит тому, чтобы быть заключенным в границы определения, то воображаемое функционирует, только получив форму. Особенно в любви – фантазийные суррогаты действительного образуют бессознательное темное место, где поселяются комплекс вины, нарциссическая самозащита, страх постареть, младенческое противоборство риску. И границы образования всегда имеют юридический характер.

Закон объективирует образ – делает его объектом, доступным для приобретения, обладания. Очерченные законом фантазийные суррогаты жизни позволяют развиваться в нас ложному чувству, что мы обладаем самой жизнью, подчиняем себе и контролируем ее динамическую неопределимость. Когда мы подчиняемся закону, жизнь приобретает конкретные мерки и рамки. Они гарантируют нам «правильность» жизни, формирование «подлинности». Каждое отступление от закона измеряет степень отклонения от этой гарантированности, расшатывает уверенность моего «Я».

Целые столетия так называемое христианское человечество прожило и живет с такими юридически ограниченными желаниями. Развилось запутанное Право с его идеализированной казуистикой. Бесконечные разновидности: в Праве римской церкви, в этике кальвинистов, в пиетизме лютеран, пуританстве методистов, баптистов, квакеров, в превратившемся в идол морализме анабаптистов, старокатоликов, Армии спасения, цвинглиан, конгрегационалистов.

Каждое название из перечисленных, вместе со множеством других, является также представителем определенной кодификации юридических ограничений желания. Представляет собой также некоторые поколения людей. Тысячи или миллионы людей, которые прожили целую и единственную жизнь на земле в аду отвергнутых желаний и неумолимого беспокойства, воображаемой вины и нарциссического лишения. Целые поколения с невольной увечностью жизни без любви. Отождествили

любовь с ужасом греха, добродетель с отвращением к своему собственному телу, телесное выражение нежности с мерзостью унижительного опускания до уровня животного.

Юридические очерчивания желания собираются вокруг одного устойчивого стержня: что есть телесное и что душевное в любви. И следовательно, что греховно и что невинно. Потому что телесное всегда греховно, а душевное – невинно.

Однако и опыт телесного в любви градуируется согласно абсолютизированной казуистике этических оценок. Кошмарный энтузиазм подсчитать непозволенное. Точнейшее определение рамок дозволенного удовольствия. Куда может пойти телесное выражение ласки, и где должно остановиться. Реалистические подробности юридической классификации, проникновение чувства вины в самые спонтанные складки человеческой связи.

Безусловно, в любви существуют границы. Но только там, где телесное не отделяется от душевного, юридическая вина от юридической невинности. Существуют действительные границы, хотя и слабо различимые, – между связью и не-связью. Между самоприношением и эгоцентричным требованием. Между сущей любовью и подобием сущей любви.

Если любовь есть стремление к жизни, «жизни неограниченной, жизни вечной, жизни без границ, без необходимости средства или орудия для выражения», тогда первохристианская Традиция предлагает экзистенциальнейшее истолкование любви: она есть способ «сущей жизни», отраженный в человеческом существовании: отблеск творения человека «по образу Божию». Посеянная в саму природу человека, в его душу и тело, «сила любви» обуславливает способ существования природы. Природная устремленность жизни открывает недоступное «ядро» человеческой ипостаси, его личностной инаковости.

В перспективе этого толкования любовь не есть отдельная функция природы, способность выживания вида. Она принадлежит личностному способу существования природы. Поэтому и осуществляется всецело, в каждой телесной и психической энергии или действии природы. Без единой возможности, чтобы в любви разграничились и получили свои очертания психическое и телесное событие.

Христианская Традиция называет «падением» человека отклонение порыва к жизни в сторону смерти. Отклоняется природа, проходит мимо жизни, мимо способа «сущего бытия». Бытийная энергия или действие природы становятся автономными от собственного личностного ядра

своей собственной животворной ипостаси. Она действует не путем личностного существования, не как любовная связь и самопреодоление, достигаемое в любви. Но как автономное устремление и порыв самосохранения, самоудовлетворения, самоукрепления безличностного индивида.

Общение пищи – бытийная связь с пред-лежащим миром – уклоняется в индивидуалистическую жажду насыщения, вкусового УДОВОЛЬСТВИЯ. Труд для обеспечения пропитания в корыстолюбивое стяжательство. Общественное сосуществование – в антагонизм индивидуального господства. А любовная связь – в удовлетворение индивидуальных ЧУВСТВ, эгоцентричное наслаждение. Крайняя степень любовного уклонения – древнейшая и ВСЮДУ распространенная проституция: платишь деньги и покупаешь наслаждение. Покупаешь партнера в любви, как какой-нибудь полезный сосуд.

Там, куда закон не протягивает свои смертельные щупальца, обуздание безличностного порыва ради личностной любви не значит обесценивание природы, пренебрежение телом. Оно не достигается природоцентрично, как некий индивидуалистический подвиг – подвиг природной воли независимо от личностного способа существования. Невинность и воздержание от пищи – всегда вместе – есть упражнение, готовящее к полноте связи. Чтобы были побеждены противостояния природы, которые исключают или искажают личностную связь. Чтобы отклонение смерти вернулось на путь жизни.

Там, куда закон не протягивает свои смертельные щупальца, невинность есть факт эротический. Преодоление частичной любви ради любви всецелой. Отказ от воображаемых наслаждений жизни ради всеобщей любовной связи, которая обнимает собою каждую складку жизни. Всякого человека и всякую тварь. С конечной целью, источником и полнотой любви – Личностью Бога.

10. EXPOSITION AU RELATIF

Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее.

КАК УДЕРЖИШЬ высоту глиняными пальцами. Карабкание к любви похоже на сизифов труд. И все же мы существуем, только взбираясь вверх, к парению неощутимого. Только желанием, которое собирает нас в личностное бытие.

Мысль и способность оценки, воля и чувства, память и фантазия, чувственный опыт приговорены: исчезнуть в прахе. Вместе с ударами сердца, с вздохом груди, с последним вкусом во рту, с последним запахом. С вариацией сознания, разыгранной на клавишах головного мозга. Телесные и душевные энергии и функции, осужденные без права апелляции на уничтожение. И благодаря желанию они действуют или функционируют только как связь, как возношение. Здесь, в связи, обнаруживается единственность способа, бесподобное и неповторимое как возношение. Здесь отражается инаковость сокровенного ядра нашего бытия, наша личностная ипостась. Свобода от природного, обще данное.

Здесь, в невидимом изменении природы в связь, мы помещаем надежду бессмертия. Здесь, в любви.

Различие между природой и личностью не выражается в определениях. Оно постигается в опыте любви: откровение единственности любимого, невмещаемое в определения. Определения есть только природа, знаки общего понимания. Они очерчивают границы объективного, обще данного. Откровение любви остается неограниченным, высвечивает инаковость личности, его свободу. Неограниченная, то есть неощутимая.

Изменение природы в связь, изменение направления пути бытия от необходимости к свободе. Оставляем необходимость и приходим к свободе. Какое количество смерти содержит это изменение? Смерть заключенного в рамки определения, объективного, конечной и описанной тленности. Оставление индивидуалистичности, «кеносис» от требований природы, нигилизм по отношению к эгоцентрическим противостояниям. И воскресение личности в ее любовной инаковости. Жизнь в ином образе.

Суетность определений, тощее косноязычие скудости значений. Любовь не вмещается в язык. Поэтому и воскресение ищет нас, скрытых в недоумение от невыразимого и неопределимого. Язык приносит страх или приукрашение страха от грядущего безъязычия смерти, от абсолютного одиночества, несвязанного и необъяснимого. Воскресение всегда

невыразимо и неосязаемо, тогда как смерть всегда нема и осязаема, подлежаща. Камень, лежащий напротив. У дверей желания.

Кто отвалит нам камень подлежащей смерти, кто нас научит, как нам умереть самим, как изменить путь природы в путь связи? Кажется, только любовь убедительна в недоказуемом. Поэтому мы и цепляемся за то, что несет в себе желание. Здесь, в желании, показывается неповрежденная смертью инаковость. Мы являемся продуктами недоказуемого воскресения, восставшими в «место» Другого, в вожделение материнского присутствия. Камень отваливается не с нашим физическим рождением, но с появлением первого знака, с нашим вступлением в первую любовную связь. И Тот, Кто отделяет желание от отождествления с материнским телом, отрывает нас от природы, чтобы сделать нас личностями, есть Слово Отца.

Мы сражаемся со страхом с помощью вожделения. Страх и вожделение сопровождают нашу пожизненную любовную жажду, строят посредством неопределенности неосязаемого надежду. Чтобы природа изменилась в связь, необходимо явление благодати – дар знака Присутствия. Чтобы оторвать нас от уверенности отождествления и привести к риску связи. Чтобы гроб материнской утробы оказался пуст. И чтобы связь не была ограничена природой, необходимо вмешательство Благодати, чтобы любовь была естественно свободной от тления. Только присно живой Любящий может сказать: «Лазарь! Иди вон».

Дух Святой нисходит в виде огненных языков"и почиет по одному на каждом"(Деян.2:3) из Апостолов, являя тайну личности в соборном единстве. (канон «Сошествие Святого Духа на Апостолов»)

Мы, христиане, говорим о «теле» Церкви, даруется воскресение через приобщение жизни. Тело – материнская утроба пустого гроба, с Любящим, Который есть первородный из мертвых и называет несуществующее, как существующее. Триумф недоказуемого, непрекращающегося празднование неосязаемого. Может, ложное чувство и мираж жизни, а может, неопишуемая уверенность опытной непосредственности. В любом случае, постоянный выход к риску связи, хождение по лезвию бритвы.

Жизнь, освобожденная от смерти: к чему на самом деле относится эта фраза? Она похожа на понятийную одежду нашего обнаженного неведения. И тем не менее, на протяжении долей момента любви неведение открывается как превышающее всякое познание. Тогда мы вкушаем антидор бессмертия. Антидор в дар нашей душе, которую мы раздаем даром, наступая на разломанное эго.

Раздаю свою душу даром: сюда на самом деле относится слово

покаяние – смысловое производное любви. Изменение пути ума или любовь к недоказуемому. И сбрасываешь с себя всякую смысловую одежду самозащиты, даришь и плотские противостояния своего эго. Покаяние не должно быть нарциссической печалью по поводу юридических оплошностей, но любовным «кенозисом», лежащим за пределами ума. Изменение пути еже мыслити и быти.

Наша природа есть, существует, мысля сама себя биологически, имеющей цель в самой себе. Она самомысленно действует так, как ей нравится, согласно фиктивной сладости саможизни. Поэтому покаяние и лежит за пределами ума: оно перемещает логику желания за пределы сладостности, которую имеет саможизнь, приобретя себе от смерти границы. За пределы природной жизни, в благодатную жизнь. В Благодать любви.

Трамплин покаяния – осознание греха. Это слово из того же взрывчатого словаря, но «религиозное» воровство нейтрализует его запальную силу. Грех есть не нарушение закона, но неудача, безрезультатность и проигрыш, недостижение цели неограниченной жизни. Чтобы человек действительно признал грех своего природного существования – это и не легко, и не значит частичное признание умом. Покаяние есть всеобщее изменение ноотропии, пути, согласно которому человек мыслит, и по которому направляет свое существование. Риск свободы вне пределов биологии, в недоказуемом любовной Благодати.

Покаяние есть настолько реальное изменение, что все изменяется в жизни действительно влюбленного. Все. Даже нужда в пище и питии, в славе и силе. Влюбленный жаждет только взаимности. И чем больше она даруется ему, тем больше любовь расширяет свой круг, как камешек, брошенный в пруд.

Мы влюбляемся не только в личность Другого, но и в каждое его что, каждое что, которое имеет с ним какую бы то ни было связь. Во все, что он делает и к чему прикасается, в музыку, которую он слушает, в дороги, по которым он ходит, в места, на которые мы смотрели вместе. Если случится, что ты полюбишь Бога, пусть и на доли секунды, дрожь вожделения будет подстергать тебя в каждой капле росы по весне, в снегу, который поглощает серые кружева рябины, в лазури летнего неба, в благоухании первого осеннего дождя. Каждая складка красоты и все сотворенное с мудростью и искусством есть дар любовного порыва, преподнесенный тебе.

Мы называем святым того, кто безрассудно влюблен в каждое творение Имянного Бога. Даже в то, что для многих из нас есть фальшь

природы: в пресмыкающихся, в хищников, в явных злодеев. И от воспоминания о них и их созерцания его глаза источали слезы... И он не мог выдерживать или слышать о какой-либо порче или печали, приключаящейся с тварью... И через это и о бессловесных... и о птицах и о животных и о демонах... и об естестве пресмыкающихся... и о всей твари... на всякое время приносил молитву со слезами.

Влюбленные в Имянного Бога, собор святых, церковь ставших вне рамок логики. Не имеющие никакой связи с биологией религии, с логической убедительностью, с бронированностью добродетелей. Святые, и вокруг них множество нас, обветшалых, участвующих в состязании, чтобы приобрести взаимность.

11. Сомма

Сыновья матери моей разгневались на меня.

ЛЮБОВЬ не имеет логики – исходя из какой логики молится святой за пресмыкающихся и за демонов? Логика есть у религии, забронированной в доспехи закона. Логика и закон – оружие религии, оружие самозащиты эго.

Религия: индивидуальные метафизические убеждения. Индивидуалистическая логика. Индивидуальная попытка умиловления божественного. Убеждения, логически верные и дающие уверенность. Мораль, упроченная законом, гарантирующая уважение и авторитет. Культ, переполненный эмоциями, трамплин для достижения психологического комфорта.

Любовь начинается там, где заканчивается такое укрепление эго. Когда Другой нам дороже самой нашей жизни. И тем больше всяких оправданий, эфемерной или вечной застрахованности. Готовность принять даже вечное осуждение ради возлюбленного или возлюбленных – это признак любви, то есть Церкви. «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян» (Рим.9:3).

В Евангелии Церкви любящий человек идет по пути жизни, а религиозный человек – по пути смерти. Картина различия между ними, данная в откровении: противопоставление блудницы, которая умывает мирром ноги Христа, и религиозной среды, которая протестует против растраты мирра (Мф.26:6–14, Мк.14:3–9; Лк.7:36–50). Любовь и смерть в сопоставлении.

Покаяние блудницы – действие откровенно любовное. Покупает очень дорогое мирро, без экономности и меры. Расточительно изливает мирро и потоки слез, чтобы омыть ноги Христа. Распускает свои волосы, чтобы ими отереть их. Такой порыв беззащитной любви, и слепое, внесвязное религиозное окружение измеряет действия мерой этической эффективности. К чему сия трата мирра? Ибо можно было бы продать более, нежели за триста динариев, и раздать нищим. Блудница любит расточительно и безрассудно, без закона и логики. Религиозное окружение измеряет логическую целесообразность действий и количество этической пользы.

Религиозное окружение – человека закона – не интересуют бедные. Его интересует милостыня как действие, за которое он получит

индивидуальную зарплату, заслуженную у Божественного Воздаятеля. Возможно, Бог ему нужен только как воздаятель, для своего индивидуального оправдания. Поэтому немислимо, чтобы у него появился порыв любви, который не вмещается в логику взаимообмена.

Блудница ничего не просит. Не приносит покаяние, чтобы получить оправдание. Не преследует цель взаимообмена. Не стремится также исполнить то, чего требует закон. Просто приносит. То, что имеет, и то, чем является. Она сделала, что могла (Мк.14:8). Смело, без страха: может, выгонят, или выставят. В порыве всецелого самоприношения. Ибо возлюбила много (Лк.7:47).

Молчание евангельской блудницы есть разрушение закона, прихождение в негодность логики. Это молчание любви, которая говорит только с помощью того, что дает, не заботясь о том, что получит в воздаяние. Наша душа, как и всякая блудница, не может полюбить до тех пор, пока прельщена эфемерными отрывочными удовольствиями – болтливостью логики, надежностью взаимности, которые содержит в себе закон. Любовь рождается, когда для человека «внезапно» становится очевидной суетность взаимообмена, какой бывает в проституции. Суетность стремления к воздаянию, желания быть добродетельным, нашего доброго имени, сокровищ, которые оказываются недостаточными для отклонения смерти. Любовь рождается, когда «внезапно» воссиявает единственная надежда жизни – воскрешающий мертвых. Нужно пережить смерть, чтобы достичь любви.

Для религиозного круга – человека закона – слово любовь имеет только значение нарушения закона, несоблюдение заповедей. Признание любви значит признание отклонения, беззакония. Все измерено только логикой закона. Когда любовь разрешается и что именно разрешается – какие запрещения до брака, в браке и вне брака. Вопросы, которые беспокоят и мучают всех религиозных людей на всей земле. Логика эго, несовпадающая с истиной любви: если все разрешается, то ничем не жертвуешь, ничем не рискуешь. Следовательно, влюбляться запрещено. Если остаешься верным запрещениям, твое эго опять не дает трещины, его броня не сокрушается. Следовательно, опять ты закрыт для любви.

Падения и обломки, унижения и убожество, безмерное отчаяние. Чтобы человек достиг просвещения и мог различать действительное от воображаемого. Чтобы получил бесхитрость зрелости, которая позволяет видеть незрелое.

12. Cantus firmus

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные.

ВЗАИМНОСТЬ обозначается во взгляде. Первый толчок – это всегда невольная встреча двух скрестившихся взглядов. То есть любовь рождается в свете. Взгляд, улыбка, голос, жест, движение – граница телесного и бестелесного – место расположения знаков взаимности.

Свет влюбленного взгляда переходит на губы. Улыбка не есть судорога, но сияние. Нельзя различить, где взгляд и где улыбка – все один и тот же свет. Отблеск единственности, дельфин вождления.

Третий невещественный уровень, голос. Теплота голоса, трепет желания, нежность, которую невозможно скрыть, сколько ни стараться. «Трещина» голоса в любовном изумлении, первый звук – наше имя – на устах Другого. И сколько длится любовь, в каждом слове голос – ощутимая плоть, чувственная непосредственность. Изнесение слова, воплощенное в музыке единственного зова.

Музыка выражается в «изяществе» движения, жеста. Изящество значит ритм красоты, которая зовет к нежности – зов настолько ощутимый, как музыка голоса. Любовь изменяет жесты, изменяет манеры, движение головы, плеч, задает новый ритм телу – как в настроении танца, которое стесняется себя выразить, – едва уловимая волна скрытой радости.

Невещественный аккорд с бесконечной палитрой тонов. От эгоцентричного желания до порыва самоприношения. От безличной необходимости обладания и присвоения до крайнего самозабвения, до любовного кенозиса. От смерти до жизни.

Читаем любовь во взгляде, в улыбке, в изяществе движений. Тело говорит на языке души, душа высказывает свое вождление к жизни светом непокорных определений выражении.

Даже в самой эгоистичной жажде удовольствия тело Другого есть нечто большее, чем объект желания. Оно есть знак желания. Обозначаемым, пусть и бессознательно, является только жизнь. Вождлеваемое тело собирает желание в обещание, однако причина желания направлена дальше тела Другого. Поэтому удовольствие от женщин – удовольствие, которое обещает женская красота – есть конца не имеющее.

Знак желания показывается в месте присутствия красоты. Язык телесной красоты, на первой своей фазе, и язык одежды. Когда взаимность

желания превышает относительность языка, тогда само собой разумеющимся становится обнажение, отказ от одежды. Тогда все тело есть взгляд, улыбка и ритм движений, непосредственность вождения к полноте связи, к полноте жизни.

Обнажение никогда не завершается. Чтобы обнажение произошло и продолжалось, недостаточно отсутствия одежды. Обнажение есть прогрессирующее изучение всегда неопределенных преобразований знаков, преобразование языков, в которые одет смысл желания. Непрерывно чередующиеся переходы от языка созерцания к языку прикосновения, от опьянения призыва к экстазу участия.

Телесное требование наслаждения – желание слепое, лишенное видения своей реальной цели – обозначается в одежде или обнажении, как обозначается и во взгляде, в улыбке, в голосе, в жесте, в движении. Значащее света и радости приобретает автономию, прекращает идти вслед за прототипом любви. Причина желания облекается в агрессивный язык эгоцентрического притязания. Заставляет ответ выразиться в жажде удовольствия.

Существует любовная нагота и агрессивная нагота. Вторая насильствует над связью, то есть отклоняет ее на уровень сделки. Это нагота, которая преподносится как безличностный объект наслаждения, вне границ связи, взаимного самоприношения. Чтобы получить выплаты эфемерного удовлетворения нужды или нарциссического подтверждения «эго» как вожденного объекта. Это превращенная в бизнес нагота печатных провокаций, мечтаний порнозрелищ, холодного и расчетливого «флирта». Это свет бунта молнии (Лк.10:18).

Любовная нагота есть только самоприношение. Она не решается, но рождается. Как свет во влюбленном взгляде и улыбке. Чтобы выразить отказ от последнего сопротивления самозащиты – от стыда. Стыд есть природная защита от эгоцентрического домогательства другого. Я защищаюсь одеждой, одеваюсь, чтобы спасти свою субъективность: чтобы не быть выставленным во взглядах как безличностный объект наслаждения.

Когда любовь прикасается к чуду, к взаимному самоотказу и самоприношению, тогда стыда не существует, потому что не существует защиты и страха. Тогда все тело говорит языком взгляда, улыбки, ритма радости. Всецелый человек становится весь свет и весь лицо и весь око – даяние доброе и дар совершенный. Только дается, только приносится, без сопротивления. И совершенное обезоружение самопередания одевается в язык откровенной наготы.

«Любовь не знает стыда, и поэтому не умеет благочиние своих членов держать в форме. Любовь по своей природе не стыдится и не ошибается в своих мерах».

То, что в агрессивной наготе является для нас вызывающим и отвратительным – как, например, бесстыдство, безобразие и неумеренность – в истинной любви может быть всего лишь ослепительным блеском любви. Если ты действительно отрекаешься от себя и передаешь себя, когда тебя не интересует ничто кроме радости и истины Другого, кроме того, чтобы Другой расцвел в наслаждении полноты связи, тогда нет преград и правил, форм благочиния членов и мерки стыдливости.

Любовная нагота никогда не завершается, потому что она является языком «кенозиса». Для того чтобы совершилось обнажение, недостаточно лишения одежд. Оно должно облечься в язык самопередачи и самоприношения. С неограниченным красноречием непрерывных изумлений связи. Любовная нагота, язык «кенозиса» – обнаженный младенец Иисус в яслях.

Когда христианская Традиция говорит о воплощении Бога, она не ограничивает откровение одним историческим аспектом этого события. Историческое лицо Иисуса открывает нам способ бытия Бога – неограниченную динамику любовного самоприношения, «кенозис» Бога, происходящий от порыва любви к человеку. «Кенозис» значит то, что не имеющий образа принимает образ, неизреченный становится языком. Образ и язык являются плотью ограниченного и эфемерного, плотью тленного. И тем не менее, они могут обозначать неограниченное и безвременное, личностное присутствие сущей жизни.

Всякий знак воплощения Бога принадлежит данным образа и языка: зачатие от матери девственницы – зачатие, свободное от напора естества к фиктивному увековечению тленного. Бог (Другой нашего живительного желания) открывается как Отец: животворное начало как личностное бытие. Девственница становится матерью – способность к любви, которую имеет природа, воплощает сущую жизнь, без посредства эфемерной страсти. Язык означает способ жизни, но при этом означаемое не подчиняется смысловому знаку. Означаемое остается выше знака, как выше всякого любовного со-сущия участник сосущия, пребывая в динамической неопределенности субъекта «Другого».

Бог исторического откровения и Другой сосущия любви являются истиной. Здесь истина (a-lhqeia) значит не-забытьё (mh-lhqh) – личностное проявление. Истиной является только проявление, только нагота

«кенозиса», знак желания. Означаемое желания всегда выше, оно недоступно языку, но доступно лишь непосредственной любовной связи.

13. Ricericare

Черна я, но красива.

ЛЕТНЕЕ тело, одетое в смуглую роскошь солнца. Бесстрашная нагота блестящей красоты. Нужны были века, чтобы это обоюдоострое бесстрашие дерзнуло появиться.

Мгновения дня накапают месяц, месяцы вольтуются в год, года – в столетия. И поток несет сломанные жизни – уникальные и неповторимые. Ступенька за ступенькой они перевертывали свое бытие, мгновение за мгновением, пребывая в темном облаке чувства вины за свою природу, стыда за свое собственное тело. Века удушья в самой смертоносной из всех лишений – в запрещении живого, в голоде любви. До тех пор, пока вкус смерти не был извергнут вон плевком бунта. Ненавистный идол воздержания и ханжества был вытолкан пинками, чтобы начаться служению взявшему реванш идола наслаждения.

Идолопоклонническое удаление тромбов; однако жизнь давится и в цивилизации Просвещения. Цивилизация без гражданства, без границ личностного общения; она оценивает красоту меркой безличностного права, в инстинктивном предпочтении. Чувство красоты природы – это ничто большее как целесообразность самой же природы, укорененная в «биологическом механизме» индивида. Объективное раздражение, удовлетворяющее органы чувств – добыча индивидуального наслаждения. Красота ни к чему не зовет, не высвобождает связь. Опыт связи, попавшийся в ловушку мысленных соотношений, механики действия-противодействия. И простое решение загадки любви: биологические механизмы рефлексов и инстинктов.

Обнаженная блестящая красота человеческого тела – чудо, явившееся в мире, слепом по отношению к этому откровению. К тому, как тленная плоть воплощает в себе живой логос бесконечного, к призыву общаться с непосредственностью всего – земля, море и порфирный закат солнца в ощутимой близости обнаженной красоты.

И цивилизация, неспособная к прикосновению, лишенная чувства связи, замораживает красоту в объект коммерческого зрелища. Везде растиражированная нагота, мертвое зрелище с трудом различимой любви, бездна пустоты между созерцаемым и созерцателем и недостижимая непосредственность. Столько веков отвергнутой жажды и вожделения, коллективного подсознательного, разъяренного от лишения, отказа от любви. И вот теперь они переходят в цивилизацию искусственной

экзальтации от безнадежного желания, в автоэротизм фантазирования.

Просвещение было самой острой революцией в сознании людей. Озноб освобождения, который распространился со скоростью огня, бегущего по высохшей после жатвы соломе. Нечто отличное или нечто большее, чем идеология. Опрокидывание ноотропии, бунт жизни с обращенными вспять границами европейской религиозности. Только «дух» был здесь «главным образом человеческим», вершиной же «духа» была согласованность с разумом. Природа – место господства дьявола; видимая действительность подчинена алогичности «падения». Все чувственное – мерзкое и подозрительное, поскольку только духовное-мысленное родственно вечному. Телесные чувства – окошки, через которые проникает зло, очаг, где разжигаются животные инстинкты. Удовольствие – запретный плод, приводящий к смерти, к нескончаемым пыткам, какие только способен придумать злой разум. Единственная возможность спасения – беспрекословное подчинение силовым механизмам религии. Государство, этика, общественные основания и функции, повседневная жизнь – все подчинено безбрачному клиру – уполномоченному надзирателю лишенного любви аскетизма и страха.

Просвещение пришло как удар молота по раскаленному и размягченному негодованию. Чтобы на наковальне логики придать ему форму острого отречения. Нет, у природы нет нужды в неуловимом понятии Бога. Она сама обладает тем, что нужно для того, чтобы поддерживать ход космических часов. Человеческая наука расшифровала механизм часов и нигде не нашла скрытого Бога, нашла лишь врожденные в природу логичность и силу. Человек же – и он природа. При подходящих условиях вещество само производит дух. Эфемерный и тленный, он должен с помощью чувств и увлекаемых ветром удовольствий насладиться жизнью. Всякий другой «смысл» существования – недостаточный, порочный, убогий. Просвещение с помощью логики утверждает наслаждение, создает законы, государство, укрощает граждан в сожительстве.

На той же наковальне логики вылепило свой мир также превращенное в религию европейское христианство. Просвещение сражалось оружием противника. На место мнимого Бога была поставлена мнимая обожествленная Природа. На место бессмысленной аскетики несвежее индивидуальное наслаждение. На месте индивидуалистического стремления схватить умом – индивидуалистическая эмпирическая верификация, индивидуалистическая математическая интуиция, врожденные идеи, индивидуалистические восприятия,

индивидуалистический опыт. Изменение брони всегда одного и того же одиночного самозамкнутого индивида. Либо под именем религиозного рационализма, либо под именем положительной науки – это всегда одни и те же непробиваемые доспехи, призванные хранить существование в уверенности лишенного любви индивидоцентризма.

Будучи пленником выносившей его религиозной утробы, Просвещение, закованное в кандалы дуализма природа-ипостась, ищет действительно сущее в видимом тем же самым способом, что и богословы Запада, не подозревая о скрывающем языке Восточных учений, о революционном опрокидывании терминов познания действительного и сущего.

Где всходит просвещение, там знание не исчерпывается значением определений, но является опытом связи. Связь есть событие участия в действиях природы. Действия природы доступны для непосредственности опыта. И открывают способ личностной инаковости, который расширяется на СОВОКУПНОСТЬ мировой личностной красоты.

Ни о чем не подозревающее Просвещение скользит к зияющей пропасти исчезновения личностно существующего. С бесконечными томами десятков тысяч страниц изысканного красноречия. Запутанные подкопы доводов, чтобы было подкопано ничто: мнимые понятия богословской силлогистики. И не зажигающийся порох вытряхивается: торможения скептицизма, путаница релятивизма, нигилистический тупик. Чтобы бытие всегда качалось, не имея смысла, материя была необъяснимой, космическая механика – брошенной для трансцендентной «случайности».

Вызывающая тошноту шаткость, подвешенность колебания эфемерных мгновений. Ум трещит, надежды нет нигде, смысла никакого. Бытие – проклятие случайности или «божественного» произвола. Осязаемое, мнимая ширма пустого, ничего. И тем не менее, фанатичная злоба в отстаивании пустого. Она подталкивает к «открытиям», она заставляет присягать «прогрессу», «развитию», «реабилитации осязаемого», «чувствованию природы».

Темное просвещение со знанием, закованным в кандалы причинных или регулирующих «принципов» действительного и сущего. Его трагическое упорство определить жизнь, то есть упразднить динамическую неопределимость связи. Чтобы знание было исчерпано предлежащим смыслом, описанным чувством. Всякой попытке побега к «предощущению», к «интуиции», к «опыту бытия» положен предел. Потому что только ограниченное субъективное одевается в объективную

достоверность.

Цивилизация, не знающая любви, неспособная любить, нащупать истину, отказавшись от эгоцентрического обладания ею. Любовь – единственное знание на краю предельных вопросов. Вопросы без ответов и уверенность – ослепление. Если истина есть только жизнь и если жизни можно приобщиться только в напряжении самоприношения.

Каковы причины происхождения мира, материи и жизни, каково начало движения, толкование «природного зла», тления и растления. Почему неодинаково распределение дарований и скорбей между людьми, почему уже данным является наше рождение, наследственное предопределение, наш пол. Всякая попытка определения, трещина непреодолимой пустоты, паническая лихорадка.

Однако в святая святых науки господствовал триумф раскрошивания просвещенных достоверностей. Как можно представить себе «поле» вместе с «элементарной частицей» и «волной». Что значит пространство в десять размеров на субатомарном уровне. Что есть непространство головокружительных размеров вселенной, которая расширяется с непостижимой скоростью, если пространство (и время) есть только сцепление вещества-энергии. Как можно мысленно воспроизвести «кривизну» пространства-времени, пространственное отстояние частиц друг от друга, о котором утверждается, что оно есть без-местная всеобщая связанность, границы пространства, у которого, тем не менее, нет окончательных пределов, и поэтому мы говорим о нем как о неограниченном, хотя при этом и не являющемся бесконечным.

Наконец, как нам определить мета-физику, если и физика остается неподчиненной нашему мысленному надзору. Математическая символика, партитуры типичных уравнений, в сравнении с интуитивными картинками опыта любовной непосредственности. Единственный язык, в котором слышится отзвук мелодии действительного и невыразимого. Для того, кто посвящен в то, что скрывается под эскизом.

Если бы Бог определялся согласно канонам силлогистики схоластов, предписаниям необходимости ньютоновского космоидола, регулирующим требованиям или моральным целесообразностям Просветителей, Он был бы «богом» подчиненным, «богом» субатомарного уровня. Вселенское чудо и драма свободы, переписанные в лжеощущениях идолизированного довольства. И любовь – пустота, одетая в чувства.

Взгляд и улыбка обнаженной красоты, тело, одетое в черную роскошь лета, аромат и сок персика, изумрудная прозрачность маленькой морской бухты. Одна осязаемая благодать отвечает на последние вопросы.

Благодать – харизма призыва к красоте связи. То, что призывает, – не заключается в понятии, но имеет лицо и имя. Призыв приводит желание, чтобы оно вошло в безграничный залив единственной действительной нежности.

14. Reprise

Садовый источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана.

В БИНОКЛЕ идеальной картина любви разрывается на двое: Любовь к Богу, любовь к ближнему человеку – несовпадающие части в призматическом преломлении совершенного. Божественный эрос – непорочное очарование, беспримесное духовное изумление. Сломано всякое сочленение со страстным человеческим счастьем, телесными точками отсчета вожделения, эмоциональным трепетом удовольствия. Незапятнанная чистота, помещенная в мысленное, в невещественное.

Значит, леопард залег только в теле, но не в обоюдоострой природе? Его кормит только дрожь плоти. Какой свет отогрет очевидность и освободит ее от призматических призраков мысленного и невещественного. Наше я – дикая кошка наглой алчности – подчиняет Бога мертвой мысли, облицовывает любовь мертвой тишиной вечной гарантированности.

Как с помощью бинокля мысленно идеального можно отделить вожделение к Богу от самовлюбленности возвращения в утробу, мнимого использования для себя непоколебимо гарантированного.

Конечно, любовь деформируется, преломляясь через тело. Но разве также и душа является самой лучшей призмой? Сколько раз она искажает вожделение к Богу в кривых зеркалах, пытающихся вывести доказательства силлогизмов, в преломлениях «обязательных» свойств, в калейдоскопических проекциях чувственных картин на умозрительно абсолютное. Все для удовлетворения мировоззренческого довольства. Для жажды обладания уверенностью в своем постоянстве. Для алчбы самоутверждения с помощью трансцендентных гарантий.

Вера и добродетель: полюса эндемического преломления вожделения в богатый спектр радуги корыстолюбия. Удовольствие замыкания в скорлупе догматов, удовольствие моралистического нарциссизма, взывательная ненасытность внешнего авторитета. Плоть – просто игрушка в сравнении с ненасытными аппетитами сверх-эго. Плоть – пехота, а «вера» – конница в необузданной жажде надежности – вместе с «добродетелью», скачущей галопом к соблазнам самовлюбленной духовности. Бешенная религиозноименная жажда оргазма самопочитания, самовосхищения.

Непосредственный взгляд, без условного бинокля. И освещает мера любви. Мера самоотречения и самоприношения. Любовь либо к Богу, либо

к ближнему человеку. С одним и тем же исступлением³.

Истинно влюбленный, – говорит непосредственный взгляд, – вечно представляет себе лицо любимого, и радостно заключает его внутри себя. Такой не может уже успокоиться от вожделения и во сне, но и там обращается к нему. Так бывает как по отношению к телесным, так и бестелесным. И затем яснейшая сентенция продолжает: Блажен тот, кто стяжал к Богу такую любовь⁴, какую стяжал к своей возлюбленной безумный влюбленный.

Мера любви к Богу – безумное вожделение личности человека. Мера недоступного достижения, поэтому и ублажается тот, который достигает ее. Однако мера «бывает», то есть дана от природы. Мы не любим одной природой Бога, а другой – любимого человека. Одна и та же любовь «как по отношению к телесным, так и бестелесным». Если леопард залегает не только в логовище тела, то это потому, что драгоценная добыча – эк-статическая способность вожделения – существует в обоюдоострой природе.

Мера человеческой любви к Богу – ни неведущая, ни мысленная, ни кодексная «чистота». Мерой является только вожделение. Но вожделение личности, вожделение Другого, вожделение кроме эго. Которое перемещает бытие в вожделеваемую связь. Превращает бытие в связь.

Блажен безумный влюбленный, блаженно бездонное безумие. Только в безумии бездн рождается улыбка. И эта улыбка, которая никуда не исчезает, есть любовь. У вкуса жизни нет другой утробы, из которой ему можно было бы родиться. В головокружении хаоса, алчной любовной жажды, пусть даже и безличностной, может расцвести цветок: Преображение плоской алчбы в выстрел из лука в сторону прекраснейшей Инаковости. Бездна призывает бездну, и этот призыв имеет имя. В этом с крайней очевидностью убеждает слово пустыни:

Видал, – говорит, – нечистые души, неистовствовавшие от любви телесных, которые, приняв предлог покаяния, из опыта любви направили к Богу ту же самую любовь. И, преодолев всякий страх, сразу же алчно вошли в центр Божественной любви. Поэтому Господь не говорит о той разумной блуднице, что убоялась, но возлюбила многое, и смогла легко любовью избежать любви.

С помощью опыта плотской и слепой любви блаженные обратили ту же самую любовь на Лицо рассветающего Красотообразного. То же самое безличностное вожделение, Дионис, играющий с данайями, было привито в объятия пылкого Жениха.

Любовь приходит словно утро и сдувает всякую ночную тень страха. Поэтому знаком истинной любви является прозрачное бесстрашие. Приобретший опыт блаженной взаимности не боится, потому что не претендует. Отказавшись от всего, имеет все. Продал все, что имел. Все. Купил хорошую жемчужину.

Среди антиподов богатства любовного нестяжательства лишенная любви стяжательская страсть религиозного оправдания. Трагическая цена лишенности любви на жертвеннике алчности религиозного эгоизма. Псевдоблагочестивый нелюб страдает лишением, страдает страстью безумного самоуостаивания. Цепляется в неверии за закон, чтобы обеспечить себе логически последующее оправдание своей трагической лишенности. И закон переделывает лишенность в изобилие агрессивной ярости. Нелюб становится черствым, жестким критиком всякой немощи, всякой человеческой неудачи. Безжалостным к тем, кто не страдает вместе с ним неудовлетворенной лишенностью.

Всякие «догмат» и «исповедание» рождают свой собственный тип «посвященного» Богу человека. Который часто, на всякой географической широте и долготе, является подобообразно боящимся человеком. Он панически боится хрупкого общего признания своей «посвященности»: чтобы не была запятнана его слава, чтобы не появилось сомнения в его добром имени, его духовности, его последовательности в лишенности. Он влюблен в свою «посвященность», в свою идолизированную эгоистическую непорочность, а не в Бога.

Когда «непорочность» становится «горечью», жизнь во внутренностях человека затемняется. Тьма дремучая, и в то же время незаметная. Не выдерживает лишения, любовной неудовлетворенности, однако не видит, не дерзает увидеть, что не выдерживает. Обвал его выносливости, темное раскрощивание его внутреннего мира вытряхивает наружу слепую мнимую уверенность объектного обвала: обваливаются общество или мир.

Лишенность любви всегда рождает холерических прокуроров или терпких пророков. Первые мечут молнии по поводу «разложения общества», «разрушения семьи», «обнищания нравов». Вторые высматривают, когда придет конец мира, всеобщая катастрофа, последние времена. Переносят в рамки мира перевернутые мерки своей собственной прочности. Но прочность сужается, трагедия должна заканчиваться, а вместе с ней и весь мир, бессознательно отождествленный с их «я».

Как отделить действительного Бога от фантазии, воплощенной в дрожащую негарантированность. Кодексная фантазия путается в лабиринтах закона, измеряет наши бесплодные лишения слепой нитью

будущего воздаяния. Хотя мы и желаем, чтобы он был нашим гарантом, но, поскольку он только измеряет, то является сам по себе угрозой. Страх проверки, проверка страха, тьма и кошмар в нашей неполноценной жизни.

Первая трещина способности ощутить действительное: отказ от всякого индивидуального чаяния и требования: «Пусть заключает меня в ад сто, тысячу раз – лишь бы только существовал!» Действительное произносится только языком любви. Снимаешь с себя доспехи смысла и погружаешься, превратившись в нуль, в пустоту, в ничто. Тогда свобода незнания оказывается «превыше всякого знания». То, что превыше, не значит пустое, но скачок. Всякого честного ныряльщика всегда подстерегает апокалиптическая возможность быть поглощенным китом. Там, в глубине сердца морей, в бездне чрева кита, Бог есть имянный Жених. Его истина есть все любви.

Эрос и есть любовь, написано же, что Бог есть любовь. Которое есть и которое мыслится различаются чувством, как пламя от своего отражения. Непосредственный опыт теплоты, ощутимого тепла. И тогда язык источает откровение: Сей, являющийся причиной всего.., по избытку любовной благодати становится вне Себя... и влечется любовью и эросом...

Если Бог и познается, и существует способом любви, тогда только ключом этого способа расшифровывается истина недостижимого. Однако способ⁵ любви в восхождении на вершину является самым трудным. На каждом шагу заросли нужды телесного удовлетворения, использования другого, подземный рев слепого желания. Действительное преломляется в обманчивых отражениях, шаг путается в смешении способа естества со способом любви.

Мы говорим об аскезе на языке живого откровения – не как о индивидуоцентричной гимнастике для обуздания порыва, но как о ежедневном шагании к самоотречению и самоприношению. Не для того, чтобы естество было отвергнуто, но изменен способ, которым оно существует. И изменение не заключается только в смутном ограничении желания его легальностью.

Пример – учение о прелюбодеянии в Благовествовании. Здесь не идет речь о нарушении закона, оскорблении естественного института брака. Поэтому и осуждается не любовь, но первый росток, который прорастает во дворе желания – семя присвоения: А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (Мф.5:28). И легкости двоебрачия, которое позволял евреям закон, противопоставляется не какое-то другое, теперь уже запретительное решение, но набросок способа жизни в книге Бытия: И будут два одна

плоть (2:24). Бог сопряг эту единую плоть, Он придал природе образ сущего общения ипостасей.

15. Imitation

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

ВСЯ единоупряжная природа прекрасна, близ жизни. Моя и не моя, ближайшая и удаленнейшая непосредственность. И всегда неподвластная замораживанию описательной устойчивости. Природа – место происходящего. Путь – логос красоты, настойчивый призыв вожделения связи. Призыв осязаемый, связь неосязаемая. Осязаемое отстояние и неосязаемая близость, как в изумрудном отражении берега и в темно-голубой бездне дали. Непосредственность неосязаема, как и заморозка улыбки.

Тело земли, блеск логоса природы и призыв космического блеска, осязаемый в человеческой плоти. Зеленеющие изгибы холмов, мягкая выпуклость плоти, как у розовых лепестков. Стройность берегов, расчерченные бухточки, живой трепет кожуры спелого плода. В шаге девушки – плеск прозрачной воды, текущей в песок. Голени – обточенный алебастр – бесконечно поднимаются, чтобы влиться в упругую плоть лилий. Ее грудь – две близнецы косули, на ней трепещет вся нежность цветов, и пестик ее сос-цов подает опьянение. Шея – упругий стебель, ее волосы – стадо косуль, которые спускаются с косогора. Улыбка – свет первого рассвета, глаза – весеннее небо в прозрачности озера.

Опьянение весны, которая кружит голову самым маленьким букашкам в чашечках цветков. Порывы северного ветра, дыхание южного на опьяневших ветвях тела, они поют песню моря в лепестках глубочайших лилий. Природа в напряжении вожделения.

Природа мира была уже сложившейся мелодией, космическим рассветом упругой стремительности вожделения, призыва к любовной непосредственности. И способ бытия природы – логос, воплощенный в разделении людей на мужа и жену. Тогда увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма (Быт.1:31).

Как природа может быть весьма хорошей, когда заключает в себе возможность смерти? Тот же самый вопрос и для света: заключает ли он в себе возможность тьмы, или тьма есть только отречение, вольное уклонение от живительного световодства?

Природа – любовная мелодия Первостроителя – была и есть изумительный отголосок жизни. Тварная мелодия, способная отразить эхом путь нетварного – непресекающуюся жизнь. Однако также способна отразить путь смерти – ограниченное довольство твари.

Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы. Но вы умрете, как человеки (Пс.81:6). Да, того, что мы есть, мы не знаем, знаем только, как происходят (здесь противопоставляется «быть» – «ейнбй» и «становиться» – «гйгнеуиуй») наши природные тление и смерть. Ощутимо и убедительно только то, что отклоняем, недоступно и неуловимо то, чего вождедем. Бессмертие – призрачная идеологема или только желание и бесплодная надежда. Однако насколько мы действительно знаем границы природы и благодати, переступание жизни за процесс тления и смерти?

Если подчинение природы тлению есть возможность, но не необходимость, выбор свободы человека, тогда свобода есть изумительнее даже природы. С природой человеку даруется бытие, со свободой – возможность отречься от него. Сказать дару и Дарующему: нет. Если действительно так и происходит, тогда свобода воплощает в себе абсолютное уважение Бога к Своему творению. Уважение, мысль о котором кружит голову. Волнующая мера любви, которая только подчиняется любимому, никогда его не подчиняя.

Кружащая голову мысль о природе, подчиненной свободе, свобода – мера безмерного уважения к человеку. Насколько реальным является это утешительное головокружение? Насколько реальной является геометрия искривленного пространства в сравнении с опытно ощутимой эвклидовой. Опытное незнание, возможно, открывает больше, чем даже чувственная непосредственность.

Эвклидова природа известна нам как тленная, ставшая автономной от всякой нашей воли и свободы. Порыв самосохранения, увековечивания, господства: треугольный произвольный отпрыск природы, и сумма его углов всегда равна смерти. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе... В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих (Рим.7:15–25).

Ум – наше глубочайшее «Я», душа – пастбище свободы, бездонный родитель абсолютного. И каждая складка нашего тела – опора predetermined мятежа, неумолимое требование пленения необходимостью. Неумирающийся раскол взгляда (шизоидия), бескомпромиссное притязание.

Хорош для пищи и... приятен для глаз плод – невестоводитель желания. Жизненный призыв объединяющей связи, со-сущия с плотью цветов, с соками лазурных фруктов, с пламенем влюбленной молодости. Моя половинчатая истина. А другая половина – бескомпромиссный бунт

желания, одетый в стяжательное требование, в отрицание связи.

Всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением (1Тим.4:4). Благодарение (Евхаристия) – положительный ответ на призыв красоты. Она определяет благодать, меткость призыва. Признательное принятие дара, доказанная на деле связь с дарителем, и всякий, совершенно всякий мотив для связи хорош. Связь – красота жизни, благодарение – мера и материнская утроба красоты.

Новизна, которую приносит христианское откровение: чтобы в личностную связь превратилось даже природное отрицание связи. Подвиг любви. Приведение смерти на призыв жизни, однако любовное приведение. Что имею, то даю тебе. Имею только смерть – единственное, чем обладаю бытийно. Это и приношу с благодарением. Благодарение существует для призыва и потому, что существует призывающий. Любимый и любящий моего тленного любовного действия. Его призыв делает бессмертным мой личностный ответ. Сколько зовет Жених, столько существует любимый, как взаимно любящий. Сколько – в безмерном настоящем. Воскрешающий мертвых – только рассвет присутствия. Любовь – только завязь воскресения.

Призыв красоты – алфавит жизни, произносимый благодарением. Призыв не есть призрак, он сеется в плоть естества. Вождение бессмертия смешивается с призывом взаимности, чтобы родилась любовь. Тогда и только тогда жизнь перемещается из природы в связь.

16. Dissonantia

Что лилия между тернами... иди, невеста,.. от логовищ львиных, от гор барсовых.

Природа ловка в игре с бессознательным – играет в игру корыстолюбия даже под видом добродетели. Поэтому даже в блеске добродетели часто всеми цветами радуги переливается ледяная ненасытность нарциссического требования. «Собака сладострастия хорошо умеет просить духа, когда ей не дают плоти».

Сладострастие природы, одетое в то, чтобы мнить себя добродетельным. Темнее змеиного движения инстинкта, удушливее рычания биологического требования. Оно улавливает желание в притворе самодостаточности, чуждой общения, сдавливая наилучшее чадо нужды – смирение. Оно заграждает путь нежности, радуется смертоносной пространности эгоистической пустынности.

Апогей самодостаточности природы – действие увековечивания. Может быть, поэтому телесное совокупление доставляет наибольшее физическое удовольствие. Добродетель – апогей самоконтроля природы. Может быть, поэтому она доставляет наибольшее наслаждение нарциссической самоуверенности.

Чем более определен и измерен самоконтроль природы, тем полнее наслаждение от добродетели. Чем фанатичнее пренебрежение плотью, тем легче осуществлять самоконтроль. Наступление ума и воли на требования инстинкта черпает силы из обесценивания вещественного и чувственного. Плоть обнаруживает в себе нечистоту и зло, грязную глину, которая унижает нас. Мы противоборствуем плоти, беря себе в добычу высокую скрытую самооценку.

На языке жизненных откровений слово плоть не означает только тела и его желаний. Оно означает душу и тело в восстании притязаний природы. Плоть сочленяет в неотступное требование стремление природы существовать своими собственными силами. Исчерпать собою все бытие, не прибегая к благодати потустороннего зова, к пути связи. Поэтому плоть является противоположностью смирения, антиподом эроса. А блестящее самовосхищение добродетельности является абсолютно плотским – сладострастие самовлюбленности.

Требование плоти увековечить природу, требование плотского «Я» господствовать в бытии. Кто руководит и кто является руководимым – граница между ними теряется в густом тумане бессознательного. А также

загадочное расширение глубины субъекта до коллективных слоев многовековых дистиллятов. Тени манихеев, энкратов, пуритан блекло мерцают в субъективном бессознательном. Там сочатся презрением тела и его требований, холя свое «Я».

Из-под масок раздается гордое бормотание плоти о «чистоте» и «целомудрии», сопровождающееся выделением желчи насмешек над телом и эросом. И хор рабов Закона, стоя на котурнах высокомерия, воспевают себе похвалы и честь победы над природой. Непрекращающийся стасимон в трагедии добродетели. Однако опыт крайней аскезы предусмотрительно устраняет ложное чувство: Победить свою природу принадлежит невозможному.

Природа не побеждается тем, кто выносит природу. Она лишь преображается в связь, замещается благодатью. И руда самоприношения врождена природе: «любовная сила», заключенная в прахе.

Самоуверенная природа, вскормленная добродетельностью, противоборствует любовной силе, вмешанной в природу. Сосуд, способный отобразить своего Творца, и способность – это дар. Однако насмешка праха закрывает на дар глаза. Делает тусклым желание и бесполезным руду, которая находится в прахе, желание нетварного.

Противоположность желания – самодостаточность. Противоположность эроса – себяпочитание. Заключение в глиняный сосуд воображаемого «сверх-я»: доказанной нравственности, признанной духовности, безупречной репутации. Желание – беспокойство, страсть – зараза, эрос – скверна. Ничто не пронзает раздражительную часть души, чтобы развернуть ее в желании. Ничто не очаровывает глаза, чтобы они открылись в славословном изумлении. В закрыто-запечатанной самоуверенности «катаров» даже брак – смешение, в котором отсутствует любовь и которое можно терпеть только ради рационалистической пользы деторождения. Юридическая целесообразность, которая одна отличает безлюбное смешение от блудилища.

Адским мучением будет наша неспособность узнать Христа в Лице Жениха и Любовника наших душ. Любое чудесное Его пришествие не будет достаточным, чтобы склонить нас к этому – чудо не смогло этого сделать даже с книжниками и фарисеями. Если на первом плане у нас Закон, мерки юридической «чистоты», мы не сможем узнать Его. Он не может быть тем, кто обнимает нечистых: мытарей, блудниц, блудных сыновей, разбойников. Мы всю свою жизнь потратили на изучение и соблюдение Закона, а Он теперь принимает и любит мерзких нарушителей Закона, ничтожества, париев. Вот человек, который любит есть и пить

вино, Друг мытарям и грешникам. Не Судья, которого мы ждали и который должен вознаградить наши лишения и труды, не праведный Бог. Он Жених и Любовник, а следовательно – демон, – ведь «природа любви демоническая».

И как-то вот так начинается ад. Ждем того, кто не придет, все глубже погружаемся в отчаяние безнадежного ожидания, будучи неспособными узнать находящегося рядом Жениха в Его эросном самоприношении.

На протяжении целых столетий Церковь боролась против гностиков, манихеев, монофизитов, энкратов, иконоборцев, павликиан, богомилов, катаров, пиетистов, пуритан. Боролась против «гнушающихся браком», «удаляющихся от вина и мяса по причине гнушения». Извергла из своего тела «девствующих и превозносящихся над бракосочетавшимися», «укоряющих брак и замужнюю жену», «не желающих приимати Божественное причастие от пресвитера, сущаго в общении брака».

Однако враждебность по отношению к телу и эросу – не учение, которому можно противостоять доводами и каноническими эпитимьями. Это паника от отсутствия психологической безопасности, бессознательная, но неумолимая потребность в удостоверенной «чистоте». Это мучительная нужда в оправдании накопленной и неразстворившейся лишенности – лишенности жизни; существования без общения – существования, неспособного раздать свою душу – «погубить» ее, чтобы потом «спасти». И эта неспособность воспаляется в горькую агрессивность. Душа нападает на то, что в ней отсутствует, – может, таким образом сможет оправдать это отсутствие? Или «одухотворить» лишенность?

«Собака сладострастия хорошо умеет просить духа, когда ей не дают плоти».

17. Conclusion sur pedale de dominante

Царь увлечен твоими кудрями.

Эрос – метафизика тела и плоть метафизики. Наполнение жизнью пустой скорлупы идей, челнок, скрепляющий язык с нервами, кожей и плотью реального. Знаки сущего: природа и лицо, сущность и ипостась, энергии и инаковость. Им грозит зависнуть в лжечувстве высокого измышления, если они оторвутся от опыта эроса. То же самое и с языком поэзии: он становится отвлеченной словесной игрой, не имеющей никакой связи с семантикой жизни, если обнажается от очевидности желания.

Природа и запредельное природы. Общее «вещество» безудержного желания, потребностей тела, темной необходимости биологической разрядки. Запредельное – это неизъяснимый восход зова, свет во взгляде, улыбке, благодати движения; страсть присутствия, изумление инаковостью. Сомнительные границы между физическим и метафизическим, безличностным и личностным. И где-то там прослеживается первоначальное и существенное удостоверение в действительном, жизнь и смерть.

Мы безотчетно строим здание знаний, выкармливая своей плотью и душой тщательно выписанные определения физики и метафизики. Не поддающаяся определению личностная единственность в грамматике Истории переписывается как безличностное событие. Целые столетия, заполненные отклонениями плоти, чтобы изучить свою безличностную природу в древнем институте проституции, во всеобщей фонетике неумолимого самоэротизма. И песни любви, укорененные среди различных племен и народов, вносят свою правку с учетом взаимности и личностной плановости.

Природа нащупывается в стремлении к увековечению. Жар тела, его слепая и мучительная потребность, не имеющая никакого отношения к желанию взаимности, именованного Другого. Жажда путника в безводной пустыне, лютый голод лишеного пищи. Неутолимое стремление не ищет связи, общения в слове, нежности любви. Оно принуждает к телесной разрядке, и ничего более. Лишь бы была удовлетворена потребность и снято мучительное напряжение биологической необходимости. Любым способом.

Эрос от природы и ради природы – самоэротизм природы, ее эросная самодостаточность. Стремление природы самой регулировать истинную жизнь, переписать эрос в саможизнь тленности. Нужда в продолжении

рода увековечивает природу – не личности. Наше личностное существование интересуется природу только потому, что оно поставляет вещество для ее собственного увековечения, дает ей превосходство над личностным существованием, которое дает ей ипостась. Природа увековечивается бесконечным рядом тварных индивидуумов, отождествляется с выживанием безличностного и одноликого и смертью уникального и неповторимого.

Природа и то, что за ее пределами – личностная инаковость, вбуйлеэт днедемЭнпт ен рбсбдспмбЯт. Золотые отсветы из ловушки самоэротизма природы; золотая паутина, в которое бьется эрос вечной жизни. Лишь меч откровения может рассеять эти прельстительные сети, извлечь желание на простор бесконечности. Превратить взаимность в кенозис самоприношения, ослепление в глубину схождения к прототипу образа.

Прототип эроса в жизненном откровении – троическая полнота жизни. «Природа» здесь мыслится как нетварная; она сама содержит в себе свою бытийную причину. И важной чертой откровения является то, что оно не приписывает истинной жизни нетварному «природы», но личностному способу существования, который ипостазирует природу. Бессмертие Лиц не является необходимостью, полученной от «природы», истинная жизнь не есть несвободное природное предопределение. Это личная свобода, которая ипостазирует природу как эросное самоопределение. А также безграничный эрос личностного общения, составляющий истинную жизнь и открывающий нетварную «природу».

С учетом неспособности нашей языковой семантики и необходимости опытного прикосновения к эросному откровению можно сказать: истинная жизнь лежит в способе существования, но не в «природе». «Природа» не разделяется, раздавая Лицам бессмертие как природное свойство, также и Лица не выпадают в не имеющие под собой опоры внутренние соотношения «природы». Каждое Лицо ипостазирует общую «природу» путем истощания от всякой «природной» автономии и самостоятельности. Путем эроса.

Всякое проявление жизненного откровения – это вызов со стороны опытного удостоверения в истине в рамках и за рамками языковой относительности: Христос Иисус – историческая плоть откровения – освобождает человеческую природу от подчинения смерти, ипостазировав ее способом истинной жизни, способом свободного от природы эроса. Он рождается от Приснодевы, что значит: ипостазирует природу, не починяясь способу природы, половому инстинкту, который увековечивает лишь смерть. Поэтому в Его Лице человеческая природа встречает

ипостась жизни, свободной от самоэротичной необходимости природы. Слово становится человеком тем способом, каким существует Бог – способом эроса.

Воплощенный Логос всецело истощается от Божества, всецело принимая человечество. Становится Его Женихом, в плоть едину. Истощеваясь от Божества, Он не перестает быть Богом, ведь способ Божественного существования является эросным истощением. И, воплощаясь, становится не просто «высоким» человеком, поскольку самое Его воплощение запечатлевает в природе способ существования Божества. Совершенный Бог и совершенный человек – не через количественное «смещение» двух природ, но через ипостазирование их бытийных возможностей способом личностного существования Логоса.

Друзья Жениха в лице Приснодевы всегда видели вершину экзистенциальных возможностей человека: лицо, которое преобразует жизнь в ипостасное существование не по способу природы, но по способу эроса. Через свободу подчинения безумной любви Бога к человеку. Это подчинение не является соральным¹, то есть природным достижением, но личностным претворением эросной возможности природы в эрос, свободный от предписаний природы. Поэтому на языке тех, кто любит жизнь, Невеста и по рождества пребывает дева. Ее девственность не определяется биологическим фактором, невступлением в половую связь, но является достижением освобождения природной силы эроса от самоэротизма природы, стремления к увековечению. Отказ от природной воли и предание себя воле Божьей является для Жениха той красотой, которая обнаруживает Его безумную любовь ко всей нашей человеческой природе, воплощенной в Лице Приснодевы.

Самоэротизм природы – это порождение смерти, а то, что за пределами природы, – победа эроса над смертью. Чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения (Лк.20:34–36).

Причинный союз «ибо» в третьей фразе отрывка бросает свет на связь половых отношений со смертью: в «том веке» половой связи нет, ибо нет вероятности смерти. Насколько смерть господствует над природой, настолько природа выживает за счет своей половой силы. И это не значит, что чтобы смерть была побеждена, достаточно убрать половой инстинкт. Но когда смерть будет побеждена, смещение полов будет уже излишним.

Эта эсхатологическая перспектива тем не менее не оправдывает

близорукой наивности моралистов, которые верят, что могут победить смерть пренебрежением или индивидуальным уклонением от полового смешения. Однако в эсхатологической перспективе смерть побеждается только смертью – и первым это показал Жених, смертью смерть поправший. Отказ от честолюбия саможизни, смиренное принятие смерти, которое есть согласие в ответ на призыв любви Восстанавливающего мертвых.

Христиане обитают в городах, какой каждому выпал, ни землею, ни гласом, ни обычаями не отличаясь от прочих людей, будучи причастными всему и вступающими в брак, как все. Единственное их отличие – мольба к Восстанавливающему мертвых: Подвигни во мне разумение Твоего смирения, да прииму со сладостию смирение естества моего. Это «со сладостию» – лезвие ножа, по которому мы ходим. Принятие смерти, превращенное в эрос.

18. Te Deum

Выйди, голубица моя, в ущелье скалы под кровом утеса! Покажи мне лицо твое.

Идеальный город под коричневым туманом
Зимнего рассвета
Струится людской поток
По Лондонскому мосту,
Их так много,
Я не думала, что смерть не унесла ещё так многих

Поток людей на Лондонском мосту – их так много. Парижские бульвары и люди-муравьи, вбегающие и выбегающие из муравейника метро. Их так много. Еще одна шумная человеческая река – проспекты Токио. Стадионы Лос-Анджелеса во время матчей по регби. Их трибуны, как травяным ковром, покрыты разноцветной толпой. Затем этот возбужденный людской рой выплескивается на улицы. Точно так же, как по гудку сирены с фабрик выливается многомиллионная рабочая толпа: Осака, Кельн, Торонто.

Спешат. Выиграть день, скоротать неделю, прожить год. Крупинки бесчисленного количества людей пересыпаются в песчаных часах, и их поглощает смерть.

«Не-пребывающий град».

Беспорядочно нагроможденные гнезда многоэтажных зданий и лабиринты их внутренностей. Коридоры, лифты, лестничные площадки. Где-то там внутри одна дверь – наша. Вот она услужливо закрывается за нашей спиной, определяя наше жизненное пространство. Накрываем стол, открываем бутылку вина, занимаемся любовью. Несколько лет живем ложным чувством вечного, безмятежной продолжительности. И песочные часы смерти поглощают секунды, месяцы, эпохи.

Одно столетие – это кратчайший миг в последовательности страниц нашей школьной Истории. Однако никто из нас не будет существовать ни в одном столетии. Всегда будут Лондонский мост, муравейники Парижского метро, проспекты Токио, стадионы Лос-Анджелеса, фабрики Осаки, Кельна и Торонто. В муравейниках будут зажигаться и тухнуть бесчисленные светлячки окон. Кто-то будет накрывать стол, открывать вино, заниматься любовью. Это будут «другие» – не мы. Как и прежде нас было множество «других».

Каждый человек – это неповторимый взгляд, неповторимая улыбка.

Он разговаривает, думает, любит так, как никто другой, ни до него, ни после. Он поет о любви на краю моря, погружается в волну. Поднимается на скалу, радуется закату солнца, слушает шум прибоя. Впитывает настоящее с беззаботностью, присущей вечному. Он не боится смерти, которая скосит его, не боится предательства плоти, которая с каждым днем все больше и больше увядает и когда-то сгниет в земле.

Загоревший мальчик с гибким, как у газели, телом и выгоревшими ресницами, что общего у тебя с тобою завтрашним – с согнутыми и хрупким стариком с дрожащими руками и слабым светом в мешках глаз. И ты, дышащая свежестью девочка, трепетное тело леопарда, как меняются твои нежная кожа, светлый взгляд, упругая грудь, живые волосы, которые развивает ветер. Как они становятся желтой увядшей старушечьей плотью, скрюченными суставами, почерневшими венами, прерывистым дыханием? Каково наше настоящее «Я», наше действительное лицо! Когда и где воплощается наша истинная идентичность, каково «ядро» нашего существования, подлинный «субъект» как красоты, так и тления.

Каждая пригоршня земли – горсть смерти. Увядшие листья розы, угасшие глаза, замерший трепет грациозной плоти, расплетенные кости птиц, зверей, людей. Столь поражающая единственность, растворившаяся во всегда одной и той же земле, в ненасытных устах земли, которая ожидает всех нас. Земля – осязаемая смерть, запредельное – неосязаемая надежда.

Како предахомся тлению, како сопричтохомся смерти?

Обращаемся в пустоте, в необъяснимом таинстве смерти. Вокруг нас бесчисленные галактики, звезды – как песок у уст моря. Мертвые миры, без улыбок цветов, птичьего пения, игры цветов во время заката. Пара человеческих глаз и сознание, скрывающееся за изумленным взглядом, – целый «иной» мир. И внутри этого «иногo» мира мы ищем загадку смерти. Мертвые миры галактик не знают смерти, и только наша крошечная планета, на которой жизнь бьет ключом, собирает в каждой горсти земли столько смерти.

Что означает единственность нашей земли в бесконечной вселенной, что означает единственность каждой человеческой личности в бесконечной смене поколений? Люди доисторического периода, каменного века, жившие в пещерах. Насколько у них было животного инстинкта и насколько личностной инаковости, запечатленной в их обликах? Также племена сегодняшних каннибалов: обнаженные, звероподобные, с исполосованными, искаженными лицами, серьгами в носу и ушах. Или дауны, «дебилы», потерянные лица душевнобольных,

шизофреники, старики-маразматика. Или же мириады умерщвленных эмбрионов, бесчисленное количество оплодотворенных яйцеклеток, удаленных из материнского тела за несколько недель до того как приобрести пульсацию своего собственного сердца. Кто принимает решение в этом беспощадном природном выборе: природа сама по себе или Бог? Кто может выразить границу между человеком и не-человеком, действительностью и возможностью, данным и вероятным?

Наша мысль не может уловить личности бездейственной: без мысли, слова, оценки, воображения, желания, выражения. Как не может воспринять бытия вне рамок пространства, времени и числа. Какой мысленной картиной можно отобразить человеческое существование после смерти, личностную инаковость без телесных и душевных действий? Что означает существование «сверх где», как «все» становятся бессмертными и кто эти «все», когда мы не знаем даже разницы между оплодотворенной яйцеклеткой и сознательной личностью, между сознательной личностью и врожденной паранойей или слабоумием?

Мы изучили, из чего состоит ядро атома, какова структура ДНК, из чего состоит свет, какое вещество составляет удаленнейшие галактики. И не умеем определять, ни где начинается, ни где заканчивается человеческий субъект, наше собственное «Я».

Мы пытаемся разгадать загадку нашего бытия, раскрыть тайну жизни и смерти подобно тому, как червяки ищут грязи после дождя. Слепо, в рамках предопределенного и непреодолимого. Мысль и слово не могут гарантировать нам ничего, кроме ложного чувства познания, парабол, аллегорий, картин, полученных через тусклое стекло, гадательно. Пытаемся зацепиться за опыт других, опыт людей, свидетельствующих, что они видели Бога, разговаривали с Ним. И пытаемся представить этот опыт объективно, загнав его и в квадратные понятия, подкрепляющие нашу логику. Чтобы на основании этой логики построить для себя психологическую самодостаточность, броню, которая защищала бы нас от страха и паники.

Где есть мирское пристрастие? Где есть привременных мечтание? Вся персть, вся пепел, вся сень.

Может, там, где заканчивается самодостаточное познание, существует «иное» познание? Может, более достоверное познание восходит тогда, когда все становится перстью, пеплом и тенью?

O dark dark dark. They all go into the dark,
The vacant interstellar spaces, the vacant into the vacant.
I said to my soul, be still, and let the dark come upon you

Which shall be the darkness of God.

Существует один способ недоумевать, одновременно доверяя. И этот способ мы можем нащупать только в эросе. Эрос значит вера, доверие, самоотдача. Находишься во тьме бесконечных вопросов, на которых нет ответа. Однако оставляешь все ради желания, и оно удостоверяет тебя, что Другой желает твоего желания. И тогда все вопросы получают ответ без ответа. Значимое действует без знаков. Существует только язык возношения, язык желания. На котором разговаривает младенец, когда сосет грудь матери. На котором разговаривают влюбленные в молчании «единой плоти».

Темнота этих вопросов – природное расстояние, отделяющее человека от Бога. Всегда отстоит от Бога, не местом, но природой. Именно наша природа отстраняет нас от ответов на эти вопросы. Поэтому даже отрицание существования Бога, вечности человеческой личности – это лишь одно из природных состояний. Его можно понять. Превратить природную удаленность в личностную связь – это подвиг самоотречения от природы, это эрос.

Дар благодарения вместо вопросов, на которых нет ответа. О всех, ихже вемы и ихже не вемы.

I said to my soul, be still, and wait without hope
For hope would be hope for the wrong thing; wait without love
For love would be love for the wrong thing; there is yet faith
But the faith and the love and the hope are all in the waiting.
Wait without thought, for you are not ready for thought:
So the darkness shall be light, and the stillness the dancing.

Примечания

¹ - В оригинальном древнегреческом тексте – «извинение» – прим пер.

² - Согласно принятой в моральном богословии терминологии, прелюбодеяние – это супружеская измена, а блуд – половые связи вне брака.

³ - Экстазом.

⁴ - Эрос.

⁵ - Способ здесь означает также и путь.

Содержание

Вариации на тему «Песни Песней» (эссе о любви)	1
профессор Христос Яннарás	
1. Ouverture	2
2. Modulatio	4
3. Appoggiatura	5
4. Notes de passage	7
5. Intervallum	10
6. Divertimentio	17
7. Promenade parmi les tons voisins	21
8. Scherzo	24
9. Stretto	27
10. EXPOSITION AU RELATIF	31
11. Комма	35
12. Cantus firmus	37
13. Ricercare	41
14. Reprise	46
15. Imitation	51
16. Dissonantia	54
17. Conclusion sur pedale de dominante	57
18. Te Deum	61
Примечания	65